

АЛЕКСАНДР
БУБЕННИКОВ

СИСТЕМНЫЙ
СБОЙ

**ЗА ПРАВО ЖИТЬ НА БЕЛОМ СВЕТЕ
НАДО РАСПЛАЧИВАТЬСЯ**

Преступление в большом городе. Современный детектив

Александр Бубенников

Системный сбой

«ЭКСМО»

2021

Бубенников А. Н.

Системный сбой / А. Н. Бубенников — «Эксмо»,
2021 — (Преступление в большом городе. Современный детектив)

Младший научный сотрудник НИИ Алексей Ветров разыскивает исчезнувшего исследователя-изобретателя Андрея Лосева. В квартире, которую снимал ученый, Алексей замечает следы обыска и узнает, что все компьютеры с уникальными наработками Лосева исчезли. Мало того, выяснилось, что бесследно исчезли особые алгоритмы Лосева, недавно отправленные ученым на институтский сервер, и стоимость которых за рубежом чрезвычайно высока. Под подозрение Ветрова попадают сотрудники НИИ, которые ведут себя уж слишком странно...

Содержание

1. Странная завязка	5
2. Стихи и проза Андрея	9
3. Странности продолжают	12
4. Полный абзац	18
5. Подружка Лида	21
6. В институте	24
7. Снова у отставника	29
8. Похороны и поминки	32
9. Перед заявлением	36
10. В отделении милиции	39
11. Вера	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Бубенников

Системный сбой

1. Странная завязка

«Я любил этот мир безмерно, потому что с первых мгновений своего появления на свет интуитивно верил в его априорную доброту, любовь, нечто родное, близко-созвучное живой наивной душе. А детская чистая душа по предопределению не могла быть грязной, порочной, пошлой – только безгранично влюблённой и отзывчивой. Неужели придётся уйти из этого мира, так и не осуществив себя до конца, до последнего предела, не удивив своим приходом и данным тебе божественным даром творчества, обожаемый в том далёком детстве мир, но только удостоверившись перед своим исчезновением в его враждебности, порочности, злобной бездарной корысти? А ведь я так любил и верил в мир, куда пришел с какой-то заданной целью, случайным даром свыше для великих дел – только зачем они, великие цели и великие дела, для твоего ненужному никому дара, если замаячила туманная стезя исчезновения из мира злого, чужого, порочно-корыстного? Неужели мне не удастся даже за миг до исчезновения ничего изменить в этом безжалостном чужом и жестоком мире, чтоб сделать его чуть добрей, родней, теплей и любимей, где уже невозможно в безумных масштабах зло, корыстная, порочная ржа, разъедающая человеческую душу?»

Скоро хлюпающий носом, заболевший гриппом Алексей Ветров прочитает эти строки из дневниковых записей своего институтского коллеги. Но это будет уже позже недовольных бурчаний на пороге квартиры поджарого, сурового вида седобрового старика, у которого снимал комнату на окраине Москвы Андрей Лосев. Мол, шастают тут всякие разные, грипп разносят, покоя от таких посетителей нет. Ветров хриплым голосом в который раз пытался объяснить, что его институтское руководство поручило ему сходить к исчезнувшему сотруднику Андрею Лосеву на его квартиру и выяснить, что с ним, почему тот не появляется на работе на финальном этапе сдачи темы. У гриппозного Ветрова потемнело в глазах, когда он узнал у отставника, что квартирант «пошел на диспансеризацию в районную поликлинику по вызову терапевта и пропал с концами». А в отсутствие квартиранта явился некто с доверенностью бухгалтерии и руководства института, чтобы вывезти оттуда все рабочие материалы и дорогие компьютеры, которыми пользовался Андрей для своих круглосуточных исследований.

Старик уже бурчал назидательно, что и таким незванным болящим гостям – кивок свысока в сторону Ветрова – неплохо бы вовремя проходить диспансеризацию, как его квартирант. Мол, тот тоже, наверное, из-за дел бесшабашной молодости пропустил очередную диспансеризацию. Так его, бедолагу, тут же разыскали по телефону, приходите срочно, милости просим в нашу районную поликлинику.

– Сама завотделом терапевтическим позвонила, представилась ангельским голоском. Проверим, подлечим вашего квартиранта, скоро и до вас, Игорь Иванович дойдет срок, ждите оперативного приглашения.

Говорливый старик демонстративно перед сопливо-чихающим посетителем вытащил марлевую повязку из кармана пижамы. Так легко и естественно вытащил, как будто всю жизнь носил это средство гигиены и профилактики в кармане мятого атласного пиджака, и мгновенно нацепил себе на рот и нос, как намордник, став похожим на откормленного сторожевого бульдога. Ветров, морщась, как от зубной невыносимой боли, полез в сумку за своим институтским удостоверением, чтобы предъявить его старику, как-никак они ведь они с ним были шапочно знакомы. Пару-тройку раз, когда Андрей из-за своей вечной «творческой рассеянности» забывал в своей комнате ключи от квартиры, он пользовался дверным звонком. И старик с

тихим зубовным скрежетом открывал им с Ветровым дверь, снисходительно кивая головой на их заискивающие пожелания здоровья, бурча что-то себе под нос про «молодежь непуतेво-беспамятную».

Ветров молил Бога в душе, чтобы старик, наконец, вспомнил его, которому просто необходимо было проникнуть в эту квартиру и взять нужные ему бумаги у Андрея в его комнате, даже в его отсутствие. Иначе Ветров не выполнит совместное поручение его институтского начальства, завлаба и заведом. По злым бдительно-насмешливым глазам над намордником Ветров прочитал, что старик всё же признал его. Но пускать в квартиру гриппозного и чихающего «гостя» не торопился, плюя с высокой колокольни на его сумбурные объяснения срывающимся слабым хриплым голосом – отчет, начальство просило взять у сотрудника нужные бумаги, расчеты, делавшиеся на дому. Просило напомнить, чтобы сотрудник сдал в отдел и лабораторию взятые на время домашних авральных расчетов мощные компьютерные рабочие станции, – сам отвёз или тут же Ветрову отдал.

– Уже пускал одного такого гостя незваного под вечер. Тоже бумажками тряс какими-то с институтскими печатями, мол, у нас аврал, срочная сдача темы заказчику. Вроде как Андрея сразу же после визита в поликлинику отвезли и положили в стационар. Андрей прямо оттуда позвонил в институт, чтобы из института, из его отдела приехали за его расчетами, бумагами... Взяли как его, софтвер и хардвер... Одним словом, все компьютеры Андрея ваш сослуживец вывез с собой. Приехал с шофером. Всё перетащили в иномарку. Понятное дело, аврал, ваш заказчик страху нагнал перед приемкой темы – проходили такое. Я ведь тоже из оборонки, только в отличие от вас, молодых да ранних, погоны носил. Между прочим, с тремя звездочками на пагонах на пенсию вышел, не со старлейскими, а большими звёздами полковника, вот так...

Всё рассказанное стариком Ветрову ужасно не понравилось. Чтобы хоть в чем-то разобраться, по крайней мере, ему надо было тащиться в поликлинику, потом в стационар, потом снова в институт, обо всём по инстанции доложить начальству – что и как. В конце концов, завлаб Серин с заведом Сориным накачивали Ветрова вдвоём, ничего не говоря о каком-то другом таинственном исполнителе задания, зная, что именно один Ветров уже год тесно по совместной работе общался с Андреем, дружил с ним по-настоящему.

Дружба, правда, между ними ярко разгоралась только в последнее время, когда они, наконец, в совместной творческой работе, не жалея времени, себя, отрешившись от мирской суеты, притерлись, поняли, приняли друг друга такими, какие они есть на самом деле, независимыми и с творческой жилкой. Ветров не комплексовал по поводу того, что Андрей Лосев, недавний выпускник провинциального Ростовского госуниверситета, младше его, но поозартнее, покруче в живом, не всем по зубам деле. Он был явным харизматическим лидером в программировании, притягивающим к себе, как ярчайшая звезда, другие планеты и кометы системщиков и программистов. Вот и планету Ветрова яркая звезда юного друга легко притянула на свою орбиту, не сбила, не покорежила, а притянула весом своего юного таланта, скорее, с жезлом гения в ранце исследователя. Ведь с другими планетами их института провинциальная звезда не сработалась, не притянула, а отринула их. Так и было заявлено без всяких обвинений и обид на летучке начальству – «не может быть совместной, результативной работы, если институту нужен быстрый и позитивный результат». А с Алексеем Ветровым всё тип-топ, Андрей и Ветров сработался, стали необходимыми дуг дугу и за короткий срок сдружился в процессе напряженной, но радостной работы, когда время и всё на свете забывается.

– Вы хоть раньше видели того мужчину из нашего института, что в отсутствие Андрея забирал компьютеры? – спросил Ветров.

– Да нет, не видел никогда того. В первый раз. Вас, между прочим, видел многожды.

– А рабочие бумаги, расчеты из рабочей папки он все взял?

– Одну рабочую папку тот не взял. Отложил в сторону, сам видел. Вот ещё что... – Старик сделал легкую паузу и неопределенно пошевелил поднятой ладонью. – Может вам это пригодится: отвозил всё назад с подачи и распоряжения замдиректора по науке Клопова. Высокий начальственный гнев изволил имитировать тот хрипчатый. Видите ли, вздумали дома наукой заниматься, на работу не ходят месяцами.

– Имя и фамилию того посетителя не помните?..

– Его, как и меня, Игорем Ивановичем величают. Фамилию не запомнил. Я сейчас вам, Алексей Ветров дверь открою, и тут же руки вымою, а потом протру их спиртом, – дружелюбно хохотнул старик, – вы же не обидитесь на старика, пекущегося о своем здоровье. Здоровье мне нужно, чтобы ко второму тому своих мемуаров заключение дописать. Первый том Андрей уже давно набрал на своем компьютере, закончил обрабатывать и второй том. По вашему скучному невыразительному виду вижу, что вам это по большому цирковому барабану. Ладно, проехали... Я сейчас, мигом...

Он нырнул в свою комнату, вышел оттуда с ключом, протянул его Ветрову на сильной сухой ладони с листком бумаги. Там каллиграфическим почерком был написан адрес поликлиники и телефон заведующей терапевтического отделения Киры Борисовны, которая вызвала квартиранта на диспансеризацию. А старик продолжал меланхолично бурчать, что его квартира под сигнализацией. Вот почему Андрей не боялся держать у себя большие материальные ценности. К месту или не к месту напомнил, что квартирант обещал хозяину квартиры набить тексты двух томов мемуаров – всё исполнил, как штык. Даже отредактировал. И еще спрашивал: хотите, Игорь Иванович, я из ваших тривиальных бытовых производственных текстов сделаю один философский и детектив, помимо мемуаров ваших?

– Роман и детективы из мемуаров – как это?

– А хрен его знает – как... Андрей говорил на полном серьезе, что с помощью программы искусственного интеллекта, некоей системы генерации текстов задам несколько целевых функций и «встрякну» на компьютере с помощью одной своей «нехилой», как он выразился, программки ваши тривиальные тексты с новыми креативными лексиконами известных и неизвестных романистов и детективщиков. И получатся конкурентные коммерческие продукты на книжном рынке.

– Договорились?

– Черт его знает, договорились или нет...

– Как это, – насмешливо повторил Ветров, – не знаете, договорились или нет – не знаете...

– А так вот. – Твердо и даже излишне жестко ответил старик и поднял на Ветрова свои стальные, колючие глаза. – Через какое-то время после нашего разговора он ведь пошел на диспансеризацию к Кире Борисовне. Пошел и не вернулся. А перед уходом мне оставил две пробные главы из двух написанных компьютером романов. Он мне эти две пробные главки сам распечатал вместе с полным текстом двухтомника моих мемуаров без заключения. Это набито на ноутбуке Андрея, который мне он оставил...

– Ничего себе, писатель-надомник, – ахнул с заметной иронией в голосе Ветров и тут же, почему-то пожившись, подумал, что явно недооценивал своего приятеля, стажера-исследователя, отказавшегося от выгодных предложений стать аспирантом-очником, каторжно работавшего в их отделе по контракту, в общем-то «на птичьих правах». – Мемуары, романы...

– За квартиру-то он, между прочим, не платил мне ни копейки. Я его, компьютерщика, взял квартировать с условием, что наберет полностью «под ключ» на компьютере мои мемуары и распечатает. Таково было моё условие, пусть живет бесплатно, но только, оформит, набьёт мне два моих тома. А насчет романов на основе моих мемуаров, честно скажу, я был уверен поначалу, что он просто пошутил.

– Не пошутил?

– Нет, не пошутил. Не из шутников ваш институтский коллега. А для Андрея не было ничего невозможного, насколько я понимаю что-то в этой жизни. Вот так-то... Он словно торопился всё сделать под завязку перед уходом... Чего-то мне грустно стало от всего этого... Кому нужны мои мемуары, живые человеческие тексты, когда игра компьютера, «машинные тексты» посредством генерирующей Андреевой программы запросто за пояс заткнули мои мемуары от руки, из жизни...

2. Стихи и проза Андрея

В комнате Андрея был хорошо знакомый Ветрову «творческий беспорядок», появление здесь неизвестного «хрипатога Игоря» ничего, по сути, его не нарушило. Всего-то, со стеллажей в углу комнаты исчезли громоздкие блоки трех рабочих станций. Зато два плоских диска оказались на своем отведенном месте трехъярусного стола, как раз напротив изящного офисного кресла, в котором хозяин апартаментов, по своему обыкновению, пил днём и ночью крепкий черный кофе.

Ветров почему-то в комнате Андрея вспомнил, как они на расширенных совещаниях в ходе НИОКР несколько раз встречался с представителями заказчика, обсуждая тонкие места требований к системе. То были компетентные мужики, прожженные технари-профессионалы, съевшие зубы на своем рабочем месте – таким туфту никогда и ни за что не впаришь. Выступали они жестко, лаконично, по делу, только всегда поглядывали за поддержкой на своего главного, молчаливого «серого кардинала», с незапоминающимися, как бы стертными чертами непроницаемого лица.

Тот за время всех совещаний не произнес ни слова, только иногда молчаливо кивал или отрицательно покачивал головой. Этого молчаливого «серого кардинала» никто из его коллег даже по имени не называл, но в отделе Сорина про него шел слухок, что от его кивка или отрицательного покачивания головой зависит: быть приемке, отказу или серьезной длительной доводке сдаваемой институтом системы. Только раз от Андрея Ветров услышал, что этот Сан Саныч, наделенный особыми полномочиями, представитель заказчика очень заинтересовался Андреевыми алгоритмами, новой модифицированной системой. Оказывается, «серый кардинал» из представителей заказчика удостоил обстоятельного разговора с глаза на глаз и по существу только принципиального разработчика системы из стажеров института. А напрямую этот таинственный Сан Саныч, как рассказывал Андрей, общался только с замдиректора Клоповым, даже с Сориним и Сериним принципиально не перекидывался парой слов по делу. Так как-то о своем покровителе-замдиректора обронил словцо Андрей, когда их большой шеф в обход Сорина и Серина дал стажеру «в квартирное пользование» дефицитные институтские рабочие станции. Наверное, на большого шефа надавил молчаливый Сан Саныч после обстоятельного разговора по делу с Андреем, потрясшем «серого кардинала» запредельными перспективами поисковой системы.

И Ветров с Андреем на пару почти круглосуточно запахали над улучшением эффективности алгоритмов, вшивая их в систему, доводя ее «до ума» на старой надежной платформе. Конечно, в итоговый вариант модифицированной поисковой системы вошли только новые прорывные Андреевы алгоритмы, Ветров же занимался обкаткой его алгоритмов на ограниченном спектре задач, сшивкой программных блоков, доводкой системы. Когда всё было готово, обкатанный модифицированный вариант системы Андрей при Ветрове сбросил по Интернету через персональный передатчик Wi-Fi на институтский сервер.

Самое время расслабиться. Только Андрей упросил начальство оставить мощные рабочие станции у себя на два-три дня еще – не более. Ветрову он туманно объяснил, что за эти дни хочет добить в параллельном режиме одну свою новую идею с «машиной генерации идей, концепций, систем, когда с помощью ее можно было встряхивать кристалл знаний, и тот начал сиять новыми удивительными гранями новых принципиальных идей, концепций, системных решений.

Добил или нет Андрей свою машину «and», с кардинальным улучшением прототипа «машины генерации», Ветров точно не знал. Они, к радости или сожалению, мало говорили на эту побочную тему, поскольку работы по теме заказчика и так было выше крыши. Но что-то подсказывало Ветрову, что его приятель добил своё, прорвался за горизонт и с системами

и даже с текстами. Раз позволил себе, плюя на всё с высокой колокольни, по разумению Игоря Ивановича, наконец-то заняться своим здоровьем.

«Только почему такая спешка отъема компьютеров у парня, практически спасшего тему, заслужившего невиданные доселе комплименты лично у представителя заказчика, замдиректора, – недоумевал Ветров, открывая и разглядывая содержимое ящиков стола. – К чему изъятие трёх станций Андрея во время его отсутствия, когда тот прямо из поликлиники угодил в больницу? Дичь какая-то. А тут еще два романских текста возникают из лона машины «машины генерации and».

Ветров, держа в руках папку, задумчиво подошел к окну. Равнодушно хмыкнул: надо же на улице во время его визита начался дождь. Он договорился в институте: вывезет рабочие станции, что взял Андрей к себе, на такси. Только дождь своим шумом за окном напомнил о себе. Посему вызов такси отпадает, нечего вывозить. Отпадает «поручение вывоза». Всё отпадает. Надо подготовиться к новым переменам...

Седобровый Игорь Иванович словно только и ждал того, что ему в дверь постучат и о чём-то начнут расспрашивать. Он тут же кивнул на столик с тремя приготовленными пачками бумаги, в руках же он держал несколько сложенных в стопку листов с текстом для особого пояснения.

– Вот эта толстая пачка – мои два тома мемуаров... – Начал старик без излишней преамбулы. – Вряд ли мои мемуары вас заинтересуют и понадобятся в будущем. Вот это – десятая глава из середины детектива, а всего там двадцать одна глава. А это – глава из некоммерческого романа, тоже из середины, пятнадцатая глава из тридцати четырех.

Ветров тяжело вздохнул и тактично осведомился:

– Вы сами-то хоть главки прочитали? Определили по двум ложкам качество детективного и романного борща – стоит их читать целиком?..

– Стоит, непременно стоит. И детектив, и роман. Они набиты на ноутбук Андрея тоже, я вам покажу сейчас эти файлы. Но дело не в этом...

– А в чем, Игорь Иванович?

– Вот в этих трех листиках, Алексей. Мне кажется, они напечатаны случайно... Или... Впрочем, кто его знает, может, случайно, по ошибке, а может, и нет, совсем не случайно. Андрей прямо в моей комнате распечатывал на принтере со своего персонального компьютере тексты двух мемуаров. Я уже говорил, концовку второго тома мне посоветовал изменить – сократить даже, чтобы поставить точку раньше или даже навести туману многоточием. Собственно для распечатки второго тома мемуаров он и отдал, нет, просто подарил принтер, что ему без надобности. Только к концу главы романа прилепились при распечатке эти три странички – из личного дневника Андрея и стихи из серьезного романа.

– Я так понимаю, что стихи сочинил компьютер по программе «машины генерации», точнее «машины Андрея», а основа, канва – ваши мемуары... Так?..

– Возможно и так, хотя мне ничего не поясняют дефиниции – «машина генерации», «машина Андрея». Возможно, это стихи самого Андрея, может, стихи, сгенерированные его программой, не знаю, – вот возьмите и почитайте... Одна страничка с пояснением – «из дневника»...

Он протянул Ветрову три «случайные» странички, а сам наклонился над личным ноутбуком Андрея, чтобы показать тут же нужные файлы. Ветров мельком глянул на строфы стихов, не вчитываясь в них, перелистал странички, обнаружив на последней из них: «Я любил этот мир безмерно, потому...»

У него вдруг сильно забило сердце от этой странной дневниковой записи и он почему-то спросил у старика:

– Он что, вел дневник, набивал текст его прямо в ноутбук?

Старик отозвался мгновенно и подробно пояснил:

– Вот эти файлы: его дневник с «машинными стихами», два полных текста детектива и некоммерческого романа, наконец, два файла моих набитых им мемуаров... Ещё есть... – Вот, что, берите с собой стихи и главы Андрея, будете добираться куда, за чтением время скоротаете...

Они обменялись крепким рукопожатием. Хозяин квартиры проводил его до лифта. Почему-то у самого лифта спросил:

– Может, вам зонт вынести, Алексей?.. Вроде заканчивается дождик, но всё же – не бойтесь намокнуть?..

– Ничего, у меня куртка непромокаемая с капюшоном, – улыбнулся напоследок Ветров и раньше времени натянул капюшон на голову и помахал на прощанье рукой старику.

А внизу у раскрытых дверей парадного Ветров почему-то остановился, словно испугавшись встречи с дождем, не таким уж сильным и холодным, расстегнул молнию сумки, открыл папку и вынул те заповедные три листика. Стал читать по порядку стихотворные строки из «машинного романа», отрывки из неполных стихов:

31. «Кто мы, по какому случаю Мы пришли на белый свет За несвободой неминуею В обесмысленный рассвет? Вовсе не рабы, не узники, Смысла жизни лишены. Ах, зачем нам столько музыки И так мало тишины?..»

32. «Признайся, вздохнув, зубы стиснув, Не толпам – хотя бы себе: Нет смысла и ныне и присно В твоей одинокой судьбе. Раз так, то бесплодны старанья Свободу, Покой обрести И чудится, как наказанье, Приказ воли Зла – расцвести...»

33. Душу понапрасну не коверкай, Не закладывая задарма Жизнь, себя, всё меряй честной меркой, От корысти не сходя с ума. Знай, брат, ничего уже не стоит Жизнь, где выше веры похвальба, Где ценой Свободы и Покоя Обернутся смысл, любовь, судьба...»

34. Что ты ждёшь от лона темных улиц, В потрясенье ожидания нем? С теми ль ты, кто с улицы вернулись, С теми ль, не вернувшихся совсем? Ну, а жизнь опасна за порогом Дома, где еще ты защищен Домовым или иконой Бога. Так чего же тянет выйти вон?..»

35. «Зачем цепляешься за день вчерашний, А нынешнему, адскому не рад? Неужто Суд уже свершился Страшный, И упекли тебя, живого, в ад?..»

36. «В уступках силам зла вновь ропщешь, Хоть перемен не ждёшь совсем Зачем раскаяться ты хочешь, Прощенья просишь всё ж зачем?..»

Наверное, это был большой цикл «машинных стихов» под номерами 1-55, но именно столько, всего шесть стихотворений или шести обрывков вместились на двух страничках, после самого первого отрывка из дневниковых записей Андрея, вместились в них. Стихотворные тексты под номерами 1-30 и 37–55 отсутствовали. Может, принтер или компьютер дал технический сбой. Ни больше, ни меньше. Всё оборвалось, как сразу после прочтения стихов оборвался дождь.

Ветров покачал удивленно головой и обрыву шести стихотворений из пятидесяти пяти, забитых на ноутбуке Андрея, и обрыву дождя на улице, стянул с себя капюшон и вышел из пустынного подъезда. Через несколько шагов он невольно оглянулся в сторону дома старика и Андрея. Прощально взмахнуть рукой во второй раз Ветрову было уже неловко, он только странно улыбнулся. А старик его улыбки не принял. В его спокойствии и уверенности было что-то вечное и суровое из высоты, без ненужной, суетной улыбчивости, что-то строгое и всё же доброе, с пониманием чудной мгновенности жизни перед отходом в вечность, которая спокойным и уверенным в себе людям ничуть, ни капельки не страшна.

3. Странности продолжаютя

Через несколько кварталов, уже совсем недалеко от поликлиники, на перекрестке Ветрова окликнул неизвестный прохожий в дождевике и с белой тростью. Он был, как и Ветров, хорошего роста, однако гораздо шире в плечах, мускулистей, жилистей, с резкими, словно вырубленными чертами довольно привлекательного лица. Если бы этот неизвестный застыл в полной неподвижности, из него можно было бы лепить фигуру атлета, седого атлета, из-за его абсолютно седой буйной шевелюры, контрастирующей с его атлетическим сложением и офицерской выправкой. Но стоило ему сделать всего шаг, как что-то мгновенно ломалось в произвольных конвульсиях и в атлетическом сложении и бравой выправке. Это было не начало передвижения обычного хромого человека, а конвульсивно-порывистая попытка, равная попытке, тронуться с места, связанная с огромным физическим напряжением и внутренним усилием воли.

– Переведите, пожалуйста, меня на другую сторону улицы. Мне надо в поликлинику. – Прохожий назвал номер той самой поликлиники, что нужна была Ветрову. – Да вот, заклинило и ослепило, как всегда в самый неподходящий момент. То порхаю без проблем, как балерина на сцене, всё вижу то вдруг – бац, заклинило в позвоночнике и конечностях и слепота. Контузия... Черт бы ее со всеми красными дьяволятами подрал...

– Конечно, конечно, не волнуйтесь, – выдохнул Ветров с каким-то облегчением. – Мне самому туда надо, я вас провожу туда. Здесь недалеко уже.

– Это точно, – вытирая лицо от пота, усмехнулся седой, – выходит, мы с вами коллеги по несчастью. Который раз на самом подходе к поликлинике скрючивает и ослепляет. До этого идешь, и в ус не дуешь. Порхаешь, как бабочка. А подходишь, так снова – здорово, прямо с этого проклятого перекрестка... Клинит и ослепляет... потом всё проходит...

– Всё в жизни иногда начинается с перекрестка, креста, – задумчиво помолвил Ветров, думая о своем. – Скрещенья судеб, жизней, событий...

– Меня на этом перекрестке заклинивает, потому что вдруг тревога внутри рождается, не понятная, может, небеспочвенная, что при здешнем постоянном, скоростном движении, кто-нибудь тебя, слепца, раздавит на этом историческом месте – и не оглянется.

– Место мистическое, – улыбнулся своим мыслям Ветров, – перекрестка, креста, здесь кого хочешь заклинит – и здоровых, психически неуязвимых. И всё это по причине возможной неисправности светофора, что дает преимущества водителям, а не пешеходам. Вот и зеленый, наконец, для нас... пока дорогу не перекрыли...

– Идемте, вроде меня отпускает. Клин выбьем клином – движением. Жизнь – это движение, а не стопор... Из стопора выйти мне – как заново родиться из природного или ментального лона...

Уже на другой стороне дороги, снова вытерев пот со лба, расстегнув ворот рубахи, седой удовольствием затянулся сигаретой. Протянул пачку Ветрову. Тот отрицательно покачал головой – не курю.

– Это я, чтобы расслабиться... Расслабишься – и нет никакого клина... Спасибо за помощь, коллега по несчастью...

– Да нет вроде бы особого несчастья, – пожал как-то зябко плечами Ветров, – может всё же довести вас до больницы, вдруг опять заклинит, что тогда?..

И в это время совсем рядом с тротуаром промчалась на скорости лихая иномарка, из лужи на Ветрова и седого брызнула вода. Ветров поморщился от мстительной мысли в адрес водителя, но ведь «мысли, как и проклятия, могут материализоваться» вспомнил Ветров любимый афоризм Андрея.

– Вы правы, не надо мстить, – неожиданно произнёс Седой.

Они уже шли в сторону поликлиники, и Ветрову уже не было необходимости поддерживать Седого за локоть. К тому вернулось зрение, и отступила конвульсия.

– Вы читаете мысли?..

– Иногда я сам гоню свои мстительные мысли, что с таким надменным отношением к безлошадным соплеменникам нарушивший человеческие законы многолошадный господин, в силу объективных и субъективных обстоятельств, обязан быть наказан. Свыше или как угодно по земным законам, которые нельзя попираť любому господину.

– Вы говорите, как мрачный философ и мистик-проповедник, – после долгой паузы отозвался Ветров, – любопытно...

– Я и есть и философ по жизни, и проповедник по жизненному опыту, молодой человек. Между прочим, как величать моего спасателя...

– Ну, уж это вы слишком – спасатель.

– Я же не сказал, спаситель, просто спасатель. Вот я когда-то был спасателем на войне. Многих спас, к слову. Слава Богу, что враги наши, что друзья, спецназ ГРУ не называют карателями. Вот я и представился. А вы, интуиция моя подсказывает, из творческой или технической интеллигенции – Правильно?.. И так, спасателя моего величают...

– Алексей. Вы угадали, я – системщик, программист, скромный исследователь из одного НИИ.

– А я Сергей Павлович. Я вам дам мою визитную карточку. Не возражайте. Так надо. Когда вы меня взяли за ладонь, а потом поддерживали за локоть, я почувствовал, что вас одолевает большая тревога. А там, где большие тревоги, там и скорые опасности. Всегда за интуитивными тревогами и страхами грядут большие потрясения, опасности. Кто знает, ещё пригожусь, быть может. Не всегда же меня заклинивает и слепит, когда мне самому от контузии и ранений помощь требуется. Можете на меня рассчитывать. Вы первый, кто не испугался предложить здесь помощь. В основном, шарахаются все от меня, видя, как меня колбасит, клинит и слепит. – Седой сокрушенно покачал головой. – Правда, вслух я не обращался, больше глазами, нутром просил войти в моё состояние – перевести через дорогу, перекресток.

В вестибюле поликлиники Алексей пожевал губами, принимая из рук в руки визитку Седого. Внимательно посмотрел и сосредоточенно произнес, стараясь четче выговаривать слова, не гундося, не срываясь:

– Хорошо, Сергей Павлович, чем черт не шутит, возможно, мне понадобится ваша помощь или моему другу.

– Всегда к вашим услугам, Алексей. Интуиция подсказывает, что я вам скоро понадоблюсь.

Седой ждал, когда ему подадут руку, но Ветров, стеснительно потоптавшись, из-за показавшейся ему неловкости и скоропалительности рукопожатия, поскольку трудно сходилась в жизни с малознакомыми случайными людьми, только и сказал, как несколько минут назад седобровому старику:

– Прощайте, Сергей Павлович.

– Почему – прощайте? До свидания, Алеша, – он ловко развернулся и, пошел пружинистой походкой атлета по своим делам в нужный ему кабинет.

В регистратуре Ветров быстро узнав номер кабинета терапевта. У него хватило энергии и куража вызвать из этого кабинета – и это при живой очереди в несколько пожилых пациентов – медсестру, и передать просьбу.

– Пусть доктор сообщит только, куда, в какую больницу она направила позавчера, прямо со своего приема Андрея Лосева. Я не хочу отвлекать её. Сделайте, сестра, доброе дело, прошу вас. Дело-то пустяшное. Не хочу без очереди нарушать порядок.

– А вы, собственно, кто?

– Институтский коллега Лосева, которого отсюда увезли в больницу. У меня поручение нашего начальства.

Кто-то из очереди поддержал Ветрова:

– Поручение начальства надобно исполнять.

– Правильно, надобно, только не надо нарушать очередности.

Сестра мгновенно шмыгнула в кабинет Киры Борисовне, чтобы тут же разрешить «дело пустяшное», наверняка, передала просьбу Ветрова насчет больницы Андрея. Только выходить оттуда почему-то не торопилась. Наконец, появилась встревоженная, в красных пятнах на щеках, осторожно подошла к Ветрову как-то бочком и на ухо прошептала скороговоркой:

– Кира Борисовна хотела бы с вами переговорить. Только не волнуйтесь. Она должна с вами побеседовать с глазу на глаз.

– Со мной – о чем?

– О Лосеве, конечно, будет разговор, – она густо покраснела. – Только без очереди как-то неудобно. Всё же это заслуженные ветераны войны и труда впереди вас. Так что не обессудьте, вам придётся подождать. Хотите, я вам свежую подшивку «МК» вынесу, почитаете, пока очередь рассосется?

Ветров только глянул в ее глаза – и пропал. Он пропал, он влюбился с первого взгляда. Был мгновенный контакт глаз, сердец, душ – «это мой родной человек, которого я мечтал встретить всю свою непутевую жизнь, Боже мой, неужели это она?!» – пронеслись в голове сумасшедшие мысли.

– У меня есть что читать, – грустно отбоярился Ветров, стараясь не смотреть в её глаза, вспомнив про две главы Андрея, распечатанные «по договору» с Игорем Ивановичем. – Не волнуйтесь, посижу, почитаю.

– Вот, действительно, вежливый молодой человек, очередь соблюдает, хотя и чихает сильно, – прошамкала одна старушка. – Хворает, а всех пропускает. Молодец, старость уважает.

Сестра, одарив Ветрова чистой, нежной, обнадеживающей улыбкой, проворно нырнула в кабинет Киры Борисовны и через какое-то время вышла со стаканом воды, держа на ладони две таблетки. Протянула стакан.

– Это вам, от гриппа и насморка. Запейте, молодой человек. Не хочу, чтобы вы разболелись, – она снова ослепила его чудной улыбкой, и от этой девичьей улыбки у Ветрова защемило сердце.

Подумал обреченно: «Не хватало еще втюриться, влюбиться, как мальчишка, без всяких шансов высказать тайную любовь и восторг от общения с настоящим чудом неги и красоты». И сказал оловянным голосом:

– Вы так любезны, так добры, что мне неудобно, я при вас краснею, как будто перед вами чем-то виноват, подталкивая вас к отзывчивости...

Ветров проглотил одним махом таблетки, осушил полстакана воды, поблагодарил одними влюбленными глазами сестру и углубился в чтение двух «договорных» глав Андрея, начав с главы серьёзного романа. Он не заметил времени, когда начал читать, только чтение безумно увлекло его – надо же с самой середины, бухты-барахты в самую стремнину – только из течения романного уже нет сил и желания выбираться. Он даже ужаснулся тому, как быстро дошел до конца главы, потрясенный, опустошенный. Но делать было нечего, и Ветров принялся за детективную главу. И снова невероятно сильно захотелось прочитать детектив полностью, узнать тайну начала, узнать, чем дело кончится в финале, наверняка в кровавом финале...

Он даже не отреагировал на приглашение пожилого мужчины, упомянувшего, что «чихающих можно без очереди пропустить», пройти в кабинет вместо него. Ветров с неопределенным жестом буркнул, что назвавшийся «груздем» и увлеченный чтением глав он ползет «в кузов», то есть в кабинет Киры Борисовны только по персональному приглашению сестры.

После этих слов очередь стала сильнее уважать – судя по шепотку и высказываниям вслух – переставшего чихать и кукситься пациента.

– Пусть работает с технической литературой прямо в очереди – это ученым молодым людям очень полезно. – Так прокомментировал отказ Ветрова пройти в кабинет вместо него сердобольный мужчина и скоро сам скрылся за дверями кабинета терапевта.

Замечание мужчины насчет работы с «технической литературой» прямо в живой очереди немного позабавило Ветрова. Он почему-то подумал, как же дальнорзоркий мужчина сделал странный, но однозначный вывод о «технической литературе» в его руках. Мужчина-то сидел на скамейке напротив. И Ветров мгновенно перевернул листы текста детективной главки. И с удивлением обнаружил на обороте листа выполненные на компьютере рисунки с электронными схемами, системами. Вот это на тебе.

Возможно, под несерьезную детективную главку Андрей не захотел тратить чистую бумагу под принтер и решил напечатать старику на обратной стороне листов с электронными схемами. «А что это, собственно, за такие схемы, – задал себе вопрос Ветров и стал листать рисунки на обороте детективной главки, – да это же логические и функциональные элементы, глядишь, патентоспособные». И вдруг Ветрова пронзила догадка: на распечатке – «машинные элементы и узлы», сгенерированные на компьютере с помощью тряски традиционной схемотехники и системотехники в «машине генерации идей, концепций и систем».

– Проходите, молодой человек... Вы что-то слишком увлеклись своим чтением... – Сестра уже касалась тёплой девичьей ладонью холодной руки Ветрова, ошарашенного своим новым открытием для себя коллеги.

Вздыхнув, Ветров стал неторопливо складывать бумаги Андрея к себе в папку, особенно тщательно презираемую поначалу «детективную главку», аккуратно завязал тесёмки. Вот он и готов для доверительного разговора с Кирой Борисовной. Вошел в кабинет и представился толстой женщине в белом халате и модных дымчатых очках «хамелеон», что он коллега Андрея Лосева и выполняет поручение институтского начальства, обеспокоенного госпитализацией своего талантливого сотрудника, вообще, его судьбой – где он, что с ним, и так далее.

Кира Борисовна, молча, с укором в надменных глазах указала Ветрову на стул, подумав немного, сказала глухо, с внутренним раздражением:

– У Лосева было предынфарктное состояние, я была вынуждена вызвать скорую помощь.

– Это серьёзно?

– Да, более чем...

– Я был уверен, что Андрея поместили в стационар ради профилактики, – выдавил из себя Ветров и после еле заметной паузы сформулировал свою просьбу. – Мне нужны телефоны больницы и отделения, куда поместили Андрея Лосева. – Чтобы рассеять все сомнения насчет своего самозванства он достал свое удостоверение младшего научного сотрудника, подложил его на стол. – Это ответственное поручение руководства нашего института.

Кира Борисовна вскинула на Ветрова удивленные глаза:

– Но я была уверена, что подобное поручение исполняла Лида...

Ветров задумчиво пожевал губами прикрыв свои глаза, чтобы запрятать поглубже, внутрь всего своего существа еще большее удивление, по сравнению с которым показное удивление совсем ничто.

– Я не знал ничего об этом, – открыл глаза Ветров. – По-вашему выходит, Лида приходила сюда и в курсе отправки Лосева в стационар.

– Конечно, Лосев при мне позвонил Лиде, и она тут же пришла...

– Странно, Андрей оставил свой смартфон дома, если бы он взял его с собой в больницу, я бы с ним давно связался. Мы звонили ему на мобильный телефон из института. Он не откликнулся. И Лида ничего не сообщила.

– По поручению высокого начальства, – куртуазно съязвила Кира Борисовна, – без такого поручения могли бы и не наведаться к больному коллеге...

– Да, не болел он совсем, – вспыхнул Ветров. – Возможно, от меня подцепил грипп или ангину, но это семечки для молодого здорового организма. Андрей был здоров, как бык...

– Возможно, погружение в воду тоже сыграло свою роль – у него были серьезные проблемы с сердцем, как говорится, сильно изношенное, вследствие плохого физического состояния...

– Какие проблемы, о чем вы говорите, доктор, у спортсмена по жизни, не пьющего и не курящего, способного без сна работать сутками и неделями напролёт. Если бы не поручение институтского начальства...

– ... Вам нужен телефон Лиды, – с подковыркой оборвала его Кира Борисовна, сняв дымчатые очки, и в ее близоруких глазах промелькнула лукавая смешинка, – или телефон стационара, куда положили вашего надорвавшегося на работе коллегу...

Что-то не понравилось Ветрову в словах доктора, но он сдержался.

– Телефон Лиды я знаю, мне нужен телефон и адрес больницы.

– Хорошо, я сейчас позвоню заведующему отделением, чтобы он вас принял и сопроводил вас к больному.

Пока она связывалась с больницей, пока искали заведующего отделением, Ветров внимательно и строго глядел на доктора и думал почему-то о том, что судьба Андрея решилась именно в этом кабинете, в больнице было только продолжение какого-то неведомого никому на свете, включая его самого, враждебного сценария. Почему враждебного сценария жизни? Уж больно много странностей и неувязок. Почему Лида сопровождала Андрея в больницу. Да у них с Андреем была когда-то сильная привязанность, но это в прошлом. Разведенными их назвать трудно, потому что они не регистрировали официально брак, жили какое-то время в пробном браке, который сейчас по недоразумению называют гражданским. Ветров во время совместной исследовательской работы с Андреем застал уже только разрыв коллеги с Лидой. И вот вызов Лиды в больницу – кем Андреем или Кирой Борисовной?

– Всё, договорились, вам ждут в отделении, – Кира Борисовна уже писала адрес больницы, номер кабинета и телефон зав отделением. – Семён Борисович просил вас не опаздывать. К сожалению, я не могу дать вам машину. С транспортом, сами понимаете, напряжонка.

– Спасибо, обойдусь, – буркнул незлобиво Ветров, вертя в руках листок с адресом и телефонами.

– Ни пуха, ни пера, коллега Андрея Лосева, мэнээс Ветров Алексей, – весело сказала толстая женщина, возвращая удостоверение Ветрову.

– Спасибо за сотрудничество, доктор...

– В таких случаях обычно говорят – к черту, – усмехнулась Кира Борисовна, – надо соблюдать традиции, молодой человек.

– То перед экзаменом...

– А разве поручение высокого начальства – это не экзамен, – не унималась, подначивая, красивая толстая женщина в очках «хамелеон».

Ветров тяжело вздохнул и выдохнул чуть ли не во всю силу легких, не заботясь о последствиях:

– Идите вы к черту, Кира Борисовна за то, что упекли в больницу гениального, абсолютно здорового парня...

Та вспыхнула и прошипела змеей подколотной:

– Ну, это уж слишком... Вера, проводите... выпроводите...

Подкатившая к Ветрову сестра с пунцовым напряженным лицом нежно и ловко подхватила Ветрова под локоток и зашептала в ухо:

– Идемте... Идемте... Не возражайте... Не волнуйтесь так...

– А я и не волнуюсь, Вера... У вас такое божественное имя, в одно это имя можно влюбиться... В имя прелестное, а есть еще вы, Вера, ещё более чудная в плоти, свете и запахе красоты... Как вы чудно пахните, Вера...

– Хорошо, хорошо... Только идемте, Алексей, скорее отсюда...

У выхода из поликлиники Ветров, сопровождаемый сестрой, буквально нос к носу столкнулся с Седым.

– Сюда, сюда, Алексей, – поторапливала Вера.

Ветров хотел было прошмыгнуть бочком, незамеченным мимо своего случайного знакомого, но Седой вытянул, как шлагбаум, трость.

– Не торопитесь, Алексей... С вами случилось что-то странное и страшное – я это ощущаю, поверьте на слово... Звоните мне в любое время... Вы меня поняли, Алексей?..

– Понял, спасибо...

– И еще, мы с вами не обменялись рукопожатиями при расставании, это не дело. Помните, вы сказали «прощайте», а я сказал «до свидания»... – Он протянул руку Ветрову. – До свидания, Алексей.

Ветров и мысленно констатировал: «А рукопожатие у ветерана Седого мощное, такое бывает только у борцов, тяжелоатлетов, а не у инвалидов-слепцов контуженных. Одним словом, легендарный спецназ ГРУ».

– Алексей, возьмите еще несколько таблеток от гриппа, ангины и насморка. Вера сунула ему в руку бумажный пакетик с лекарствами и, указав рукой на остановку троллейбуса, проводила его нежным туманным взглядом.

«А вдруг я ей тоже хоть немного понравился? Но как мне спросить у нее телефон – не больничный, а домашний? Как, черт возьми? Ведь мы расстаемся – вдруг навсегда, без точки контакта, опоры? Ведь мне теперь не подойти к ней, не найти ее – почему я такой нелепый, робкий, смешной и жалкий? Неужели всё так пошло оборвётся, не начавшись из-за моей ничтожности и боязни выглядеть смешным и навязчивым?» – изводил себя вопросами Алексей, но из-за врожденной стеснительности не прося, не вымаливая телефон красивой девушки.

В полупустом троллейбусе Ветров одним движением сомнамбулы в отчаянии от случившегося высыпал себе в ладонь несколько таблеток и мгновенно отправил себе в рот. Перевернув пакетик тыльной стороной, Ветров обнаружил карандашную надпись, сделанную поспешно девичьей рукой – «Вера» с номером её мобильного телефона. Слава Богу, что Он есть, что Он не позволил Ветрову разминуться со своей случайной – по Его Воле Случая – любовью с первого взгляда... С чудной невероятной развилкой в его жизни, со своей судьбой...

4. Полный абзац

– Нет в больнице Семена Борисовича, – сказал Ветрову мрачный мужик на проходной. Охранник пил кофе и всем видом показывал, что разговор закончен, так и не начавшись. – Ушел по вызову. К нему не пуцу, без его звонка сюда, а к больному и подавно... Много вас таких здесь ходят и все норовят проникнуть туда, куда не положено... У нас строго определенные дни посещения...

– Но полчаса, нет минут сорок назад Семену Борисовичу звонила о моем визите Кира Борисовна.

– Кира Борисовна мне не указ. Не знаю никак такого Лосева. Вернется Семен Борисович, вот он пусть и вызывает. Мне по барабану всё это, начальников вокруг тьма, а я один не стреме...

– Мне к родственнику... Понимаете, вопрос жизни и смерти... – Сколько, – уточнил Ветров, – триста хватит?

– Лучше пятьсот, – нагло ухмыльнулся охранник, – если учесть то, что Семен Борисович вообще может не вернуться в больницу. В крайнем случае вернется совсем поздно... По секрету, он выезжает на вызовы гонорарных клиентов...

– Хорошо, если я переговорю с родственником, дам пятьсот, – Ветров покрутил данной купюрой перед носом охранника, – а пока аванс – триста...

Охранник поспешно сунул себе в деньги и стал связываться по телефону с нужной ему сестрой, несколько раз повторив ей фамилию разыскиваемого больного. Через несколько минут вышла не улыбка и уверенно сказала почему-то охраннику, не обращая внимания на Ветрова:

– Нет такого.

– Как нет такого, – встал на дыбы Ветров, – позавчера забрали из районной поликлиники из терапевтического отделения.

– Нет, и не было, – лицо сестры было непроницаемым.

Вздыхнув тяжело, охранник стал кого-то обзванивать по внутреннему телефону, закрывая трубку ладонью, чтобы секреты его разговоров не стал достоянием общественности в лице еще двух посетителей больницы, стоявших поодаль от Ветрова, которых до этого отфильтровал бдительный страж порядка.

Наконец, охранник снова обратился к Ветрову:

– Пока пусто-пусто... Половину отделений непосредственно обзвонил... Хоть в морг звони...

– В морг пока не надо...

Ветров снова достал заветную папку, вытащил нужные листы и погрузился в изучение «технической литературы» с электронными схемами. Если раньше навскидку он сделал вывод о патентоспособности предложенных элементов и устройств, то теперь после дотошного неторопливого изучения, с карандашиком в руках, отмечая оригинальные решения и связи, Ветров пришел к общему заключению. Что это прорыв в достижении компромисса; быстрое действие – минимальная потребляемая мощность – минимальная площадь элементов и устройств на кристалле. Фантастика...

– А вот и сам Семен Борисович пожаловал, явился – не запылится, – услышал Ветров басок охранника. – Плывет, как каравелла в порт назначения с гонораром в трюме.

Ветров уже засовывал вынутые листы в папку. Он хотел выглядеть в момент встречи с доктором предельно сконцентрированным и мобилизованным, чтобы ничто не отвлекало его от важного долгожданного разговора с человеком, в руках которого оказался волей судьбы Андрей Лосев.

– Это к вам, Семен Борисович, посетитель, ищет больного Лосева, – начал говорить охранник. Но его прервали начальственным жестом руки.

– Да, Кира Борисовна звонила, – он демонстративно отвернул голову от Ветрова, не собираясь извиняться и оправдываться. – Но у меня дела, работа, вызов. Итак, молодой человек, изложите суть вашей просьбы.

– Может, пройдем в ваш кабинет, как-то неудобно в коридоре, – промямлил Ветров, теряя такую необходимую ему силу убеждения. Ведь сейчас снова надо будет надувать щеки, мол, он разыскивает коллегу по поручению институтского начальства и прочую ахиною вываливать, лишь бы найти Андрея, поговорить с ним, во что бы то ни стало.

– В этом нет необходимости, молодой человек. Лосев не у меня. Я не успел сказать об этом Кире Борисовне, предупредить вас об этом.

– Как не у вас? А где же он? – вырвалось со стоном не из уст, а откуда-то из глубины души Ветрова.

– В нашей больнице мы не смогли бы обеспечить должного оперативного лечения его сердечного заболевания. Мы сняли вторично кардиограмму больного. И я, изучив ее, принял решение отправить его в кардиоцентр. Сами понимаете, ни в одном из кардиоцентров, с кем связана наша больница, не было свободных мест, чтобы госпитализировать больного... – Он сделал неопределенный жест рукой. – Лосева... На исследование, лечение... Его жена стала обзванивать другие центры...

– Лида? – прервал его Ветров.

– Да, Лида, она тут же приехала и приняла участие в транспортировке... У меня где-то записано, но для розыска потребуется время. – Жестко отрубил доктор. – А его у меня нет, лишнего времени. Понимаете, молодой человек, время – деньги, нет у меня лишних денег... Вы, насколько я понял, выполняете поручение руководства – так?..

– Так, – кивнул головой Ветров.

– Больной что-то там в институте напортачил, как позвонили жене, заныкал, так сказать, заиграл какие-то материальные ценности, компьютеры или что-то ещё... Отсюда проблемы с руководством, с бухгалтерий... Он же не материально ответственное лицо, чтобы брать к себе ценности, держать их у себя без нужного распоряжения, доверенности, наконец... Вот он и решил в критический момент выкрутиться, получив бюллетень, посидев на больничном... А у него на самом деле оказались большие проблемы с сердцем, расшатанное полностью здоровье... Кира Борисовна намерила, по его словам, 160 на 110, а я обнаружил уже 200 на 130... Естественно надо было что-то делать... Одно дело его личные заморочки с заигрыванием компьютеров, понимай, как хищение государственной собственности, а другое дело – диагностика заболевания сердца, его лечение в кардиоцентре...

– Это Лида вам сказала о хищении компьютеров?..

– Причем здесь Лида... – Пожевав губами, осторожно подбирая слова, сказал посеревший лицом доктор. – Были звонки из соответствующих инстанций на этот счет...

– Выходит, только Лида знает, куда доставлен мой институтский коллега? – напирал Ветров, как бы пропуская мимо ушей более чем глупейшее обвинение своего коллеги в хищении материальных ценностей. – И лечащий врач не знает, куда отправили лечиться его больного – так?..

– Не цепляйтесь к моим словам, молодой человек, – он недовольно покачал головой, – у меня где-то записано в рабочих бумагах. – Лучше для оперативности связаться с женой больного, – сквозь зубы процедил доктор, раз вы выполняете поручение института. По розыску пропавших материальных ценностей. Телефон Лиды есть у вас, молодой человек?

– Есть, – заскрипел зубами Ветров, – я сейчас же, при вас позвоню ей. Если она не подтвердит ваших слов, придется нам всем вместе разбираться.

Ветров вытащил из сумки смартфон, о котором словно позабыл, когда только переступил порог квартиры Игоря Ивановича. С самого начала походов Ветрова в этот злополучный день смартфон был настроен так, чтобы фиксировать поступающие входящие звонки и эсэмэски, но не отвлекать его хозяина, обеспечивая нужный отбой и отсутствие соединения для контакта. Звонков было много: в основном от завлаба и заведомом, а еще, к удивлению Ветрова, были два звонка от Лиды. Давно было то время, когда Лида звонила ему чуть ли не ежедневно, ой, как давно...

Ветров был уверен, что дозвонится Лиде. Так и случилось, как будто ждали его звонка. Он торопливо говорил, что звонит из больницы Семена Борисовича, вот он рядом, слушает разговор, причем ни словечком не обмолвился о так называемой, утрате материальных ценностей Андреем. Быстро перешел к тому, что ему просто необходимо найти Андрея. Так в каком кардиоцентре он? Лида назвала номер центра, ничего не говорящий Ветрову, и тут же предложила заехать к ней для важного разговора с глазу на глаз. А потом от неё, – пожалуйста, в кардиоцентр. Хоть одному Ветрову, хоть вдвоём с ней... Лишь бы с Андреем ничего не стряслось...

«Полный абзац, – в сердцах обрывая разговор с Лидой, чем дальше в лес, тем толще партизаны и всё беспросветней в этом опасном партизанском лесу. Делать нечего, надо к ней, партизанке, ехать, нечего точить лясы с доктором.

– У вас сохранилась кардиограмма Андрея Лосева и запись с показаниями его артериального давления, Семен Борисович?

Тот, мигом прервав разговор с охранником, испуганно замигал белесыми ресницами, открыв рот для ответа, долго ничего не произнося. Может, подумал в сердцах, что Лида обмолвилась насчет каких-то цифр давления и данных кардиограммы в состоявшемся разговоре, так прочитал мысли доктора Ветров. Наконец, после мучительных размышлений, доктор заплетаясь языком произнес:

– Где-то есть... Только мы долго не держим всё это... Раз больной не оформляется к нам... А может и нет ничего... Всякое бывает, вообще и в частности...

Ветров посмотрел с тихой ненавистью и презрением на этого ценителя денег и, не прощаясь, повернулся к нему спиной. Пора было спешить к Лиде. Благо, она жила неподалеку от больницы, можно было добраться пешком минут за десять. Ветров, несмотря на воспаленное, сильно покорёженное сознание и некоторое явное нездоровье, почувствовал, что кашель и насморк вместе с гриппозным жаром от всех его переживаний отстают от него. «Полный абзац, – мысленно повторял он формулу его состояния и общего положения дел с изобретателем Андреем, которого засунули, чёрт знает куда, и обвиняют чёрт знает в чем, – полнейший абзац».

5. Подружка Лида

– Успеем съездить ещё, – сказала Лида, когда она вежливо, как своего старинного друга, с которым всё просто и ясно, усадила Ветрова за круглый столик на кухне. Они поздоровались как-то неловко, поспешно, бессловесно. Она сразу показала рукой в сторону кухни, имея намерение напоить Ветрова кофе или чаем. – Ужинать будешь или кофе с бутербродами?..

– Я не голоден, понимаешь, совсем никакого аппетита нет, не хлопочи, – стал отнекиваться Алексей. – Может, объяснишь, как ты оказалась в орбите Киры Борисовны, Семена Борисовича?.. Как вышла на орбиту кардиоцентра номер...

– Нет, сначала ты кое-что объясни мне, как ты на них вышел?

Не чувствуя никакого подвоха в словах своей старой университетской подружки еще с веселых студенческих лет, на которой он когда-то чуть не женился, Ветров рассказал об утреннем визите в квартиру Игоря Ивановича. Благоразумно опустил темное место с исчезновением из комнаты всех институтских компьютеров, использованных Андреем для проводимых на дому машинных экспериментов. С ходу перешел на визит в клинику с подачи старика-полковника, опуская мелкие детали. Лида это заметила:

– Дьявол всегда в деталях... Но это не важно... Дьявольские советы, как попасть в рай, существенны, но не обязательны для посвященных в процесс... Так сказать, в дьявольский процесс...

– Пожалуй, я всё же выпью чашечку кофе или чая на твоё усмотрение... – Ветров поежился при упоминании о «дьявольском процессе», у него сильно забило сердце и пересохла губы. Пока она сосредоточенно, без слов, занималась приготовлением чая, он размышлял, что говорить и какие задавать вопросы. Начал с самого, как ему казалось с главного. – Когда я был у Андрея, то его хозяин квартиры поведал мне, что только Андрей отправился в поликлинику, как я понимаю, напорвшись на Киру Борисовну, на следующий день пришел некто неизвестный с какими-то доверенностями из института. Предъявил приказ, подписанный замдиректора, доверенность главбуха – причем на предъявителя, без указания должности и имени лица – и забрал все рабочие станции, которые нужны были нам, точнее, Андрею, для решающих машинных экспериментов... Хозяин был вынужден подчиниться мужчине, назвавшемуся сотрудником нашего института и выполнявшим распоряжение руководства...

– То есть ты в курсе вывоза материальных ценностей?..

– Выходит так. Это что-то меняет?..

Она не ответила сразу, разливая по чашкам чай. Что-то смутило Лиду в рассказе Ветрова. Он это почувствовал и невольно насторожился.

– Это мистика, причем опасная мистика. С каких это пор приезжают за компьютерами к рядовому сотруднику, находящемуся на самой низкой должностной ступени, стажеру... Пусть и пользующемуся покровительством замдиректора по науке... Приезжает неизвестный никому человек с приказом замдиректора и странной доверенностью главбуха... Очевидно, что липовую доверенность главбух могла выписать только по телефонному звонку Клопова, при его давлении... И несчастный стажер, как хранитель на дому материальных ценностей, вдруг оказывается в самом вихре мистических страстей...

– Не простому стажеру, а контрактнику-исследователю приехали, – уточнил Ветров и коротко пояснил явную нестыковку между поручением ему завлаба и заведомо забрать у Андрея компьютеры и каким-то более высоким предварительным распоряжением дирекции забрать их днем раньше. – Ты мистикой называешь появление неизвестного в квартире Андрея и Игоря Ивановича или что-то ещё?..

– Всё, всё – сплошная мистика, – с надрывом в горле почти прокричала Лида и нервно, глубоко затянулась сигаретой. – Мне позвонили, что он в больнице у «черного доктора» Семена, как его...

– Борисовича... Почему «черного доктора»?.. Почему именно тебе позвонили?..

На последний вопрос она при бывшем женихе не стала отвечать, только вспыхнула и всплеснула руками, рассказывая о Семёне Борисовиче:

– Он был вызван на диспансеризацию, всего лишь. Только когда ему «черный доктор» стал рассказывать при мне о его проблемной кардиограмме, Андрей рассмеялся – у него никаких проблем с сердцем. Насчет цифр его давления тоже высказал сомнение.

Ветров с тихой благодарностью «бывшей подруге» кивнул головой – «пока всё сходится». Вряд ли Лида причастна к мерзкой версии оговора Андрея в «хищении материальных ценностей». Но как же ее вытащили в больницу, кто позвонил ей об Андрее там? Ведь «черный доктор» был уверен, что перед ним жена больного Лосева.

Она раздавила выкуренную сигарету о пепельницу и снова спросила его, насколько уместны сейчас бутерброды с колбасой. Ветров отрицательно покачал головой и задумчиво повторил несколько раз одну и ту же засевавшую в мозг фразу.

– Это из-за меня он попал в больницу, я его заразил. Вызвали на диспансеризацию – понятно. Он бы и ее пропустил бы, но заразился гриппом, ангина от меня, вот и решил наведаться в поликлинику, раз такая оказия вышла – вызывают на диспансеризацию. Но причем здесь больное сердце, если он был здоров и трудоспособен, как бык. И, гениален просто...

Лида подняла во время этих повторов печальные глаза на Ветрова и тихо, затравленно спросила:

– Кому же понадобилось гениального стажера-исследователя выставить в свете расхитителя материальных ценностей? Ведь это же статья, уголовщина, понимаешь, Алексей... Еще мне не понравилось, что с «черным доктором» Борисовичем в больнице какой-то скользкий неприятный тип ошивался... У меня какое-то предубеждение сложилось, что не случайно всё это – «черный доктор» Борисович, этот черный тип рядом... Мне показалось, что он даже в кардиоцентре мелькнул в коридоре... Или я всё преувеличиваю?..

– Успокойся, конечно, преувеличиваешь, – Ветров зябко пожал плечами, подумав, что у нее, как и у него, на сердце скребут черные кошки от всего случившегося. – Мало ли что могло показаться в возбужденном состоянии. Главное, чтобы у Андрея всё было нормально в кардиоцентре...

Она кивнула головой, и тут же заговорила уже о другом. О своём наболевшем. Для него любая жизненная ситуация, всё, абсолютно всё, рассматривалось через призму творческой работы мысли. Он спешил преуспеть в работе, равнодушно относясь к внешним формам успеха, признания, даже к проблескам любви – и Лида чувствовала это – но он в своих вечных поисках, постоянной работе мысли излучал чудесную энергию творца, как звезда, солнце, как нагретая до огромной температуры мыслящая материя, излучающая ультрафиолет. А еще Лида почему-то пожаловалась Ветрову, лучше бы она с ним, Ветровым, осталась после смерти его родителей, когда Алексей ушел в себя, замкнулся – тут уже не до прежней привязанности, прошлой студенческой любви. Ту-то и возник Андрей в ее жизни. Вот ее вызвали в больницу, как жену; какая она жена, если для Андрея существовала только работа.

Ветров, зацепившись слухом за ее последние слова, тоже хотел рассказать Лиде о трех днях и двух бессонных ночах своего коллеги Андрея Лосева. Когда он сотворил помимо своих прорывных алгоритмов, кардинально улучшивших систему для заказчика, еще сгенерированные «машиной and» тексты романов, вкуче с патентоспособными решениями электронных элементов и устройств, но осекся на полуслове. Махнул только рукой и бросил рассерженным голосом:

– Мне срочно надо быть у Андрея – немедленно. Звони в кардиоцентр. Я должен быть там, чтобы переговорить с ним, хотя бы всего пять минут, чтобы тут же расставить все точки над «и»...

– Я с тобой тоже поеду, – Лида решительно направилась к телефону, – поймаем такси, до него на такси всего ничего... Без меня тебе ничего не найти...

– Отлично, едем. Звони.

Лида с новой зажженной сигаретой стала набирать номер телефона кардиоцентра из записной книжки. Поздоровалась, представилась, назвала номер палаты и фамилию пациента. И вдруг у нее опрокинулось лицо, и тут же выскользнула из рук телефонная трубка из безвольных рук.

– Андрей умер, не приходя в сознание.

6. В институте

Утром, после бессонной ночи, только появившись в своей лаборатории, прямо с порога, Ветров с синими кругами под глазами устало бухнул:

– Нет больше нашего Андрея...

Дальше было много бестолковщины, когда, потрясенные внезапностью смерти Лосева, коллеги Ветрова по лаборатории наперебой с каким-то внутренним надрывом, еле сдерживаемой истерикой заговорили о вопиющей внезапности смерти, ее противоестественности, когда так легко, походя вырывают из рядов научных ратников таких молодых, самых сильных и способных бойцов. Разве можно так рано и бездарно умирать – на взлёте, на крутом вираже полёта, полным сил, здоровья, таланта, надежд скорых свершений?

Кому-то из сотрудников лаборатории надо было доложить о смерти Лосева по инстанции наверх. Ветров поначалу даже думал, не заходя в лабораторию, идти прямо из проходной первым делом в дирекцию и отдел кадров. Но потом, несмотря на помутнение рассудка, всё же принял верное толковое решение идти в лабораторию, где Андрея хорошо знали, уважали, даже по-своему любили. Ведь он работал за десятерых, не прося для себя лично ничего, только излучал вокруг редкий энтузиазм и оптимизм, напор и энергию таланта и юности, легко сходясь со всеми, без лишних вопросов тяня самую сложнейшую неподъемную ношу заданий.

Ветров, идя в лабораторию к ребятам с горьким сообщением, словно просчитал, что в дирекцию, отдел кадров и без него позвонят еще, или позвонили уже, кому надо звонить в подобных случаях. Пусть, наконец, дирекции докладывают о смерти своего перспективного сотрудника завлаб или завотделом. Ветров почему-то был уверен, что Серин и Сорин, появившись в своих кабинетах, уловив волну скорби, исходящую из стен несчастной лаборатории, придут туда сами. Но не появились, через лаборанта вызвали Ветрова на ковер в кабинет завотделом для объяснения. «Как для дачи показаний, – горько мелькнула в мозгу Алексея мыслишка, – и ведь придется ведь отчитываться и давать необходимые показания».

На вопрос «с чего начать» Ветрова Сорин равнодушно ответил «с чего хотите», и стал рассуждать, что в таких неумолимых случаях начало приближает конец, а конец смыкается с началом в скорбном круговороте. И Ветров начал с самого конца. Как он с Лидой оказались в кардиоцентре, как увидели безжизненное тело Андрея сначала через окошко. Как потом они потребовали приблизиться к телу Андрея, чтобы дотронуться до него, взглянуть в синюшное, тронутое смертью лицо, убедиться окончательно.

«Без Лиды не обошлось» ухмыльнулся Серин, пока Ветров пытался в двух словах рассказать нечто важное, неизвестное завлабу о своей сокурнице по университету, с которой он познакомил с Андреем после смерти своих родителей в автокатастрофе. Потом замдиректора Лиду и своего секретаря-референта Инну определил в помощь Андрею. А он ни с кем из них не сработался. Ветров бросил взгляд на Сорина, тот кивнул головой, мол, знаю, только с тобой Покойный сработался. Ветров пожевал губами и выдохнул: «Андрей даже думал оформить с Лидой официальный брак, а тут как-то Инна вошла боком в его жизнь».

– Казанова хренов, – хмыкнул Серин, – у него таких гражданских жен и невест по три на каждой грядке. На работе, говорят, горел, но и для творческого вдохновения требовал женского внимания. Прямо липли, как мухи к нему, будто мёдом был намазанный...

– О покойниках, тем более не преданных земле, плохо не говорят, – назидательно сказал Сорин, – не надо так, Стас...

– А чего я сказал такого предосудительного, Пал Палыч, о покойниках ничего кроме правды, – встал на дыбы Серин. – Любвеобильным был наш перспективный исследователь, везде и всюду рвался быть первым и незаменимым.

– Он по праву был и остается первым, – тихо сказал Ветров. – И это не могло остаться незамеченным... Женщины, как никто, чувствовали его редкий талант творца, гениального программиста... А тут какие-то темные обвинения на его светлый облик...

– Что за бред ты несёшь, Алексей, – бросил Серин.

– А то, что его обвинили в хищении материальных ценностей, – выдавил из себя Ветров, – вы, Станислав Серафимович вместе с Пал Палычем посылали меня за тремя рабочими станциями на квартиру Андрея – посылали или нет?

– Конечно, посылали?

– А до меня некто неизвестный, имея на руках приказ замдиректора института и доверенность главбуха, вывез всё в неизвестном направлении. Замдиректора Клопова надо извещать не только о смерти Андрея, но и спросить, где компьютеры Андрея с кучей информации.

– Клопов третий день как в плановом отпуске, – испуганно прошептал Сорин. – Откуда вы знаете о приказе замдиректора изъять компьютеры у Лосева, раз даже я об этом не знаю...

– Да, откуда? Это нонсенс... Мы... – Серин кивнул на заведомо. – Послали тебя, Алексей, к Лосеву вернуть эти чертовы рабочие станции, которые через нашу голову были отданы Лосеву...

– Чтобы подставить – так?.. – спросил Ветров срывающимся голосом.

– Причём здесь подставить, – возразил Сорин. – Разбираться надо.

– Где же эти рабочие станции – в институте или где ещё, – выдохнул Ветров. – Мне один доктор, лечивший Андрея, сказал, что его уже по телефону обвинили в хищении материальных ценностей.

– Так, так-с, – Серин хищно вперил свой взгляд в Алексея. – А откуда утечка информации о приказе замдиректора изъять рабочие станции из дома Лосева, только не виляй, говори прямо.

– А я и не виляю и говорю прямо – от хозяина квартиры, Игоря Ивановича, где Андрей снимал комнату...

– Вот как, – Серин поморщился. – И он подтвердит всё, что ты сказал?

– Конечно, хоть сейчас... – Ветров полез в сумку за записной книжкой с телефоном отставника-полковника.

Сорин с непроницаемым лицом сказал как-то неприязненно:

– Оставьте телефон хозяина квартиры, Алексей, Станиславу Серафимовичу, он позвонит. Мы во всём должны разобраться, чтобы не наломать паче чаяния дров... Но надо же заняться похоронами Андрея. Нет лучшей кандидатуры для этого, чем вы. Есть мнение делегировать от института вас, Алексей. В помощь родственникам в организации, устройстве, так сказать похорон... Он же, если не ошибаюсь, не москвич...

– Из Ростова, что на Дону, ростовский университет заканчивал, с нами по контракту работал стажером-исследователем. – мрачно, подбирая слова, пробасил Серин. – Я его, провинциала, сначала трудоустроивал... Потом он попал в орбиту замдиректора, чем-то приглянулся...

– Итак, мы оформим вам внеочередной двухнедельный отпуск, – забарабанил по столу костяшками пальцев Сорин. – Хотите хоть месячный отпуск... Только вам надо будет принять участие в похоронах, доставке тела на родину покойного, и так далее... Институт выделит соответствующие средства на похороны, и так далее...

– Но ведь отчет, сдача темы... Андрей ведь днем и ночью работал, чтобы сдать систему заказчику с новыми алгоритмами... – Ветров встал со своего стула и зажегистикулировал руками. – Мы всё сделали, чтобы успеть...

– Тему заказчику уже сдали, – сухо сказал Серин. – Всё нормально... Премииальные тебе и Лосеву уже выписаны.

– Как сдали тему, – ахнул Ветров, – Андрей же практически заново переписал систему, заложив в нее новые поисковые алгоритмы...

– Сдали рабочий вариант системы, – невозмутимо парировал Серин, хмуро переглянувшись с Соринным. – Заказчик принял тему, вопрос закрыт.

– А как же новый вариант системы?

Сорин удивленно покачал головой:

– В первый раз об этом слышу. Надо уточнить в компьютерном центре. Меня об этом не информировали. Впрочем, информация могла задержаться. С подачи нашего замдиректора по науке. Но он в отпуске – не теревить же его этим вопросом в далеком санатории.

Ветров судорожно сжал папку с комментариями к алгоритмам Андрея: выходит и папка эта никому не нужна. Но он должен был сказать о существовании этой папки, просто обязан это сделать, раз она оказалась у него.

– Вот папка Андрея с его комментариями к алгоритмам, другие материалы, имеющие отношение к поисковой системе, программе генерации решений... Я взял ее, когда пришел за рабочими станциями, выполняя ваше распоряжение – помните... Что с ней делать?..

– Оставьте ее пока у себя, – мягким вкрадчивым голосом сказал Сорин. – После похорон разберемся. А сейчас мы со Стасом идем в дирекцию решать, как быть с похоронами. Наверное, туда уж звонили о смерти Лосева. А вы, Алексей, непременно дождитесь нас, мы проинструктируем вас, как и что и как с похоронами. Считайте, что приказ о вашем отпуске будет подписан в самое ближайшее время...

– Понял, – помутилось в глазах Ветрова, прижимающего к груди заветную папку с никому не нужными материалами покойного Андрея. – Только выясните, пожалуйста, в дирекции, где рабочие станции?... Мощные компьютеры Андрея... Он специально разрабатывал и обкатывал новую модифицированную поисковую систему в параллельном многопроцессорном режиме... Можно запараллелить не только три-четыре компьютера, но, в принципе, десятки, сотни, тысячи – вот его идея и прорывная программная реализация новых систем... И всё же как-то беспокойно на сердце после пропажи компьютеров из квартиры...

В лаборатории, молодые сотрудники-программисты, услышав от Ветрова самые последние новости насчет его отпуска и делегирования на похороны в Ростов, по-прежнему сокрушались по поводу кончины несчастного Лосева. Кто-то из ребят предложил сбегать в магазин за вином и водкой, нехитрой закуской. Ветров категорически завертел головой: рано, не положено так. Он ждал, что скажут Сорин с Серинным после визита в дирекцию. Несколько раз подряд названивал в квартиру Игоря Ивановича, но там трубку не брали.

«Если не дозвонюсь, придется топтать по новой к отставному полковнику, – решил в сердцах Ветров, – и прямо оттуда звонить матери, родичам Андрея в Ростов. – Припомнил разговоры с Андреем о ростовском детстве, юности – Он же безотцовщина, мать выходила замуж не однажды. Отец – сам по себе. С матерью и отцом его я знаком, сам же Андрей и познакомил нас. Мне надо отыскать московского отца, ростовскую маму без меня отыщут».

От ребят из лабораторного Ветров с удивлением узнал, как сдавали тему: сдали тихо и на загляденье гладко старую сырую систему, якобы представитель заказчика в единственном лице даже не возникал по случаю невыполнения конкретных пунктов технического задания. Поговаривали, что ушедший в отпуск замдиректора по науке по своим каналам продал нужное отделу, всему институту решение. Всё обтяпали быстро и слаженно.

Ветров машинально спросил: «Один человек принял тему?», а его успокоили, мол, тот самый неразговорчивый, увез протокол, акт приемки. Возвратил с нужными недостающими подписями членов комиссии и своего руководства, всё заверено гербовой печатью. «Наверное, всю эту ускоренную приемку темы обеспечил «Сан Саныч», о котором мне рассказал Андрей» – подумал Ветров, придется кое-что уточнить насчет пропажи отосланной из квартиры Андрея модифицированной системы».

Ветров не поленился и сбегал в компьютерный центр – узнать, что такое приключилось на сервере, сохранена ли посланная в институт информация Андрея о новой системе с его последними алгоритмами. Получил странное объяснение: да, получили всё единым пакетом файлов, но ни пакет, ни файлы открыть не смогли, что-то сломалось в шифровке и паролях, как назло. А потом был страшный системный сбой на сервере...

– Чего ты, Ветров, волнуешься, сдали же вашу систему заказчику, – успокаивал Ветрова старый его приятель системный инженер Олег.

– Систему-то сдали, да последний привет от Андрея с его новыми алгоритмами и системными решениями не приняли... Привет последний с кардинальной модернизацией системы...

– Будем извлекать покалеченную при сбое информацию, его последний привет – успокой Ветрова Олег. – Но это дело не сегодняшнее и не завтрашнее, даже не послезавтрашнее.

– И на этом спасибо... Но не кажется тебе, Олег, что всё это странно... Не исчезают так просто с сервера целые системы – как тебе такой разворот?

Тот посерел лицом и по секрету честно признался, что всё это похоже на детектив, сбой сервера был организован по всем правилам выемки информации, что не могло быть сделано людьми со стороны, внешними силами без разрешения самого высшего руководства вычислительного центра и института. Возможно, изъятая система просто хранится у руководства или представителя заказчика – те сами определяют, что с ней делать и когда ее запускать и испытывать.

– Ремонтировать нечего, как и извлекать, только об этом молчок, – Олег приложил палец к губам. – Это мое просвещенное мнение. Тебе-то зачем выступать, против ветра плевать?

– А надо бы расплевать... Спасибо за совет, ты мне его вовремя дал...

Олег дал понять, что Ветров вряд ли может на него рассчитывать, используя его доверительную информацию. И Ветров, прощаясь с Олегом до скорых похорон подумал: «Да, друзья познаются в беде. Прощай, Олег, не быть тебе отныне никогда уже моим другом-приятелем».

Придя назад в лабораторию, Ветров увидел там Сорина и Серина, окруженных сотрудниками отдела. В сухой остаток записывалось, что мать Андрея не возражает, чтобы сына похоронили не в Ростове, а в Москве, по настоянию его отца. «С Ростовом отбой, Ветров, похороны в Москве».

– А сейчас поезжайте на квартиру к Лосеву... Там уже его отец... Туда же вечером придет его мать и родственники из Ростова... Если какие проблемы, звоните, не стесняйтесь нам... – Сорин глазами показал на Серина. – Мы с коллегами... – Он обвел взглядом сотрудников лаборатории. – Поможем, всё сделаем, как надо...

– Действуй, Алексей, – Серин снисходительно похлопал Ветрова по плечу, – будь в контакте, звони мне в институт, домой.

– Мне тоже, звоните, Алексей, домой, не стесняйтесь, – Сорин протянул Ветрову руку.

– Я вашего телефона домашнего не знаю...

Сорин вынул из нагрудного кармашка пиджака визитку и вписал туда авторучкой свой домашний телефон и адрес. С крепким рукопожатием добавил:

– Успехов и удачи!

«Какие могут быть успехи и удачи в таком безнадежном деле, как похороны, – зло подумал про себя Ветров, – хорошо еще не пожелал «ни пуха, ни пера». Послал бы его к черту вместе с Сериним, как холеного доктора Киру Борисовну и «черного доктора». Впрочем, «черного доктора» Семена Борисовича я не успел послать – а зря».

За проходной Ветрова поджидала Инна, инженер-системщик из компьютерного центра, одно время работавшая секретарем-помощником Клопова. У нее были заплаканные глаза. Сдерживая рыдания, она еле выговорила:

– Я всё знаю об Андрее. Совершенно случайно узнала от Олега... Вы, Алексей приходили к нему прояснить, что случилось с сервером... – И тут же без передыха. – Раз вы едите на квартиру Андрея, мно, я поеду с вами...

7. Снова у отставника

Ветров честно предупредил Инну, что хозяина квартиры Игоря Ивановича нет на месте, к нему нельзя дозвониться, посему они могут оказаться «у разбитого корыта с намыленной шеей». Правда, в течение дня туда подъедет отец Андрея, чтобы взять оттуда вещи Андрея. Посему всё зыбко, туманно, но какие-то шансы есть.

– В любом случае, мой визит туда не будет неожиданным ни для Игоря Ивановича, ни для отца Андрея.

– Вы знаете их обоих, – вырвалось у Ветрова, невольно подумавшего о соскочившем с уст Серина титуле «Казанова» Андрея – давно или недавно?

– После его разрыва с Лидой. Вы ведь это хотели спросить?

Ветров благоразумно промолчал и не ответил на прямой вопрос, приложив смартфон к уху, якобы занятый дозвоном отставному полковнику. И ему всё-таки удалось дозвониться в последний момент. Отставник сказал дрогнувшим голосом, что уже знает о смерти Андрея от терапевта.

– Что с вами, Алексей, что произошло?.. На вас лица нет...

Обрадованный Игорь Иванович встретил у себя Алексея и Инну как старых знакомых, галантно приложился губами к тонкой руке Инны. Подробно принялся рассказывать о кончине Андрея со слов Киры Борисовны. Ветров не перебивал его, догадываясь, что этот рассказ важен не для него, знавшего всё в деталях, зато много значит для Инны.

За чаем Ветров осторожно спросил:

– Кому вы так подробно рассказывали о кончине Андрея?..

– Сначала его отцу, тот созвонился с его матерью... Они, родители Андрея, уже давно в разводе, как это не печально... Отец Андрея после звонка матери, другим родичам из Ростова позвонил... А потом меня вызвала на диспансеризацию Кира Борисовна... – закончил с грустной виноватой улыбкой свои пояснения Игорь Иванович.

Скоро Ветров, воспользовавшись паузой, возникшей в куртуазном разговоре во время «чаепития в Мытищах» на кухне между Инной и хозяином квартиры, осторожно спросил о мужчине, его тезке, унесшем отсюда компьютеры. Непроизвольно заметил, как наострила ушки Инна.

Полковник с тяжелым вздохом покачал головой:

– Вы прямо в следователи по особо важным делам заделались, Алексей. Оказывается, это ваш сотрудник из другого подразделения института. Он и вас знает, и даже Инну. Между прочим, он и о вас, Алексей спрашивал. Ну, это неважно. А приходил он сегодня рано утром, второй раз...

– Как сегодня утром?

– А вот так. Снова приказ замдиректора, доверенность бухгалтерии... Ему был нужен на время персональный компьютер Андрея... В институте инвентаризация... Вернут...

Ветров молчаливо кивнул головой, ожидая разъяснения, он-то знал, что этот ноутбук – для личной домашней работы и доступа в интернет – они вместе с роутером Wi-Fi выбирали и покупали с Андреем еще в те времена, когда тот только появился в их лаборатории. Отставник-полковник, радуясь своей проверенной годами военной хитрости, подмигнул левым глазом сначала Инне, потом Ветрову, мол, знай наших.

– Из компьютера Андрея, по его совету я скопировал все файлы на электронный диск. Там мои мемуары, тексты Андрея, еще что-то...

– Это правильно, Игорь Иванович – тихо, многозначительно сказала Инна, – всегда всё надо копировать... На всякий пожарный случай...

– Молодец я, что копию сделал, – потребовал себе похвал старик, – мы тоже компьютерной грамоте набрались через специалиста за то время, пока он квартировал у меня... Царство ему небесное... Через час-полтора отец Андрея подойдет – так мы с ним договорились по телефону.

Пока Инна мыла чашки на кухне, Ветров спросил старика, как всё же выглядит этот сотрудник института Игорь, посетивший эту квартиру дважды и унесший компьютер на инвентаризацию. Старик рассказал доходчиво и кратко, добавляя к атлетическому сложению и росту «хрипатого» особые приметы – невзрачный, глаза с еле заметным косоглазием, шрам над правой бровью. Это уже было что-то существенное.

Они снова втроем говорили об Андрее, о скорых похоронах, об их организации, хлопотах, которые лягут на плечи Ветрова с родичами покойного. В это время в дверь квартиры позвонили. Это был отец Андрея, изможденный отчаянием мужчина, с лысым черепом и седой бородой. Ему тут же предложили стакан чая. За столом на кухне он разговорился.

– Будем относиться к смерти сына философски. Я был обязан умереть раньше сына. Но случился сбой в господних планах на отца и сына: отец жив, сын мертв. Таков первый парадокс, я был плохим отцом, но мне дарована жизнь. Андрей был славным добрым сыном, безмерно одаренным от природы, но господь раньше времени призвал его на небеса. А второй парадокс заключается в том, что я уже приготовил себе могилу на кладбище моих родителей, деда и бабки Андрея. А теперь это место будет занято вместо меня моим сыном. Его мать ведь хотела похоронить его у себя на родине, в Ростове. Мы с его матерью давно расстались, к слову сказать. У нее своя жизнь, свои дети от разных браков, а у меня своя жизнь, другие браки, а сын один. Потому мать Андрея не возражала против похорон сына в Москве... Инночка, я прав или не прав, что настоял на своем в выборе последнего пристанища Андрея?..

– Вы правы, конечно, правы, – пылко, со слезами в голосе произнесла Инна.

– Будем вместе ходить на могилку Андрея. Я вас, Инночка, в душе уже называл невесткой. А тут такое горе... Какая страшная несправедливость: сыновьям умирать раньше их отцов. Пусть неважных, плохих отцов. Зато я первым из всех разглядел дар божий, талант великий у сына, наставил его развивать и совершенствовать данные богом и родителями дар и талант. Отец своим даром и талантом не распорядился, как следует.

Полковник же разливал по крошечным рюмкам коньяк из своего запасника. Сказал как-то грустно и проникновенно:

– Помянем, друзья, раба божьего Андрея, царствие ему небесное...

Когда выпили и помянули, старик стал вспоминать о квартиранте. Начал с того, что тот обучил его компьютерной грамотности, набил на компьютере тексты его мемуаров, писанные за долгие пенсионные годы – и всё это составляло под старость особый смысл жизни одинокого человека. И старик нашел понимание и отзывчивость в юном квартиранте, у которого своих дел и хлопот было по горло.

– А он своё драгоценное время отрывал от себя, на меня тратил, не зная о том, что ему ранний конец уготован... Как-то странно говорил, ничего не боюсь – что в жизни, что после жизни... Я ему, как же так, Андрей... Есть же такая поговорка: Бога боюсь – никого не боюсь, а Бога не боюсь – всех боюсь... А он только смеялся своей чистой белозубой улыбкой: с Богом у меня, небоязливое, особые отношения, он меня простит за то, что я и его не боюсь, и он знает об этом, помогая мне в моих исследованиях... С боязнью я бы ничего не сделал бы, а без боязни всё смог и всё смогу... Это он о своих программах, алгоритмах, текстах, стихах сгенерированных на машине Андрея – and...

– Какие тексты, стихи, – округлила глаза Инна, – я не знаю о них.

Тот, не впадая в лишние, досужие объяснения, разливал по новой рюмке, приговаривая, что «Бог любит Троицу, а Бога, любящего Троицу, надо всё же бояться – всё равно надо трижды по-русски поминать усопшего, доброго и талантливое».

Старик всё сделал так, как ему посоветовал Ветров: на его глазах передал с краткими комментариями электронный диск Инне с текстами с ноутбука. Ветров видел всё это своими глазами и слышал собственными ушами его напутственные, проникновенные слова, записного заговорщика:

– Это единственный экземпляр – храните и берегите, как зеницу ока... Мало ли что в наше смутное беспокойное время... Я найду вас, милая...

Улучив момент, подмигнул Ветрову и буркнул:

– Я всё сделал так, как вы меня наставляли, Алексей... Правдоподобно получилось, не переиграл?

– Всё вышло отлично, Игорь Иванович, лучше не придумаешь. Потом я объясню, что так было надо...

– Если доживу до объяснения...

Старик вскользь пояснил, заметив изменение в лице Ветрова, что Кира Борисовна рекомендует сразу же после похорон квартиранта лечь в стационар – подлечиться, укрепляющие и тонизирующие витамины принять – всё бесплатно, как заслуженному ветерану труда и орденноносцу. Ветров подумал, что сразу после похорон, может на поминках, он предупредит старика, чтобы тот не попал в ту самую больницу, куда упекли Андрея, прямо в лапы «черного доктора». Но это потом, а пока он оставляет их всех, Игоря Ивановича, Евгения Александровича, Инну поджидать к вечеру мать Андрея – прямо самолетом из Ростова...

«Как всё запуталось в жизни его, её... Андрей не боялся Бога, бравировал даже этим, по воспоминаниям старика... Не боялся любви... Любовь нужна Богу, любовь страшна дьяволу... Андрей не боялся ничего и никого – ни Бога, ни дьявола... Только уже нет Андрея... А мир, по-прежнему, поле битвы Бога и дьявола – уже после Андрея...»

– Инна, что случилось на сервере? Как пропала зашифрованная информация о системе с новыми алгоритмами, что мы передали с Андреем из этой квартиры, – Ветров кивнул наверх, – посредством вай-фай...

– Диверсия, одним словом, вырубил нарочно, наверняка после того, как прочитали и скопировали ваш последний с Андреем вариант модифицированной системы с новыми его алгоритмами... Это было в смену, когда я дежурила в компьютерном центре...

– Кто устроил диверсию, вырубил сервер?

– Откуда я знаю... Догадываюсь, конечно, но пальцем не ткну на злодея... Догадываетесь почему?.. Потому что мне пора определяться: беременна – это временно или как?.. Вот и вы, первый друг Андрея, не советчик в таких делах...

– Я рад бы называть себя его первым другом... Но я думал, что его первые друзья – его возлюбленные... Выходит, что Лида – это в прошлом, а вы – сейчас, в настоящем... А к ней в больнице и кардиоцентре, где он скончался, все обращались как к жене его, пусть гражданской жене...

– У гражданской жены не было и не будет от него ребенка, а у его тайной и последней возлюбленной может родиться еще сын или дочка... Если возлюбленная или любовница его, как угодно можно называть меня, решится на подвиг, если не совершит убийства или самоубийства...

8. Похороны и поминки

До дня похорон у Ветрова, как, впрочем, у большинства ребят из его лаборатории, были сплошные хлопоты. Дирекция приняла решение устроить прощание с покойным в институте, в большом холле между актовым залом и аудиторией, в которых проходили заседания научно-технического и ученого совета. Чин церемонии похорон резко повышался даже не выбором места прощания, а тем, что, по слухам, при прощании должны были присутствовать директор и замдиректора по науке. Академика-директора в последнее время, из-за его недомогания и почтенного возраста видели только на заседаниях НТС и ученого совета.

От Сорины и Серина Ветров услышал совсем удивительную новость, что даже Клопов, узнав о скоропостижной кончине Андрея, решил прервать на пару дней свой отпуск, твердо обещав приехать на похороны прямо из санатория.

Рабочим распорядителем похоронной процедуры в институте был завлаб Серин. По его распоряжению и его стараниями просторный холл был превращен в похоронное скорбное место посредством присборенных черных штор на окнах, притушенных люстр с лампами, горящими в четверть накала, прибитых там и сям еловых ветвей вперемежку с черными траурными лентами.

Наверное, из-за присутствия на официальной процедуре прощания народу пришло много, не только из отдела Сорины, но и из других отделов. В длинной очереди ораторов, подобранной Сериним, Ветрову и Инне было уготовано место где-то в самом конце; еще бы впереди столько именитых и заслуженных людей. А самыми первыми должны были выступить директор и его первый зам Клопов.

Сразу после минуты памяти, торжественно объявленной Сориним, когда скорбным молчанием все присутствовавшие, склонив головы, отдали дань уважения покойному в дешевом гробе, в самом центре траурного холла, перед выступлением Клопова, Ветров внимательно разглядел мать и отца Андрея. Они были рядом, отец поддерживал свою супругу, с которой он развелся тогда, когда Андрей, по его словам, переходил из яслей в детский сад. Но траурный зал воспринимал их как одно неразрывное ценное – родителей человека, которого провожали в последний путь. Родители, почерневшие от горя, неотрывно глядели на гроб и что-то тихо синхронно шептали, никому не понятное, совсем не различимое.

Для скорбных речей был приготовлен микрофон, возможно, потому, что длинную очередь ораторов открывал сильно шамкающий директор с его нечленораздельной речью, которую трудно было воспринять на слух без соответствующей техники. Директор сказал что-то общее, что обычно говорят в таких случаях – сожаление о скоропостижной смерти перспективного сотрудника, которому работать бы и работать на благо отечественной науки. Незапланированный конфуз, происшедший в самом конце его выступления, не испортил впечатления от неожиданного появления на траурной церемонии директора. Он сказал то, что о чем не знал Ветров, вообще мало кто знал об этом. Оказывается Андрей, еще до прихода в институт, будучи студентом, опубликовал в международном математическом журнале всего одну авторскую статью с фантастическим рейтингом цитирования, редчайшим по всем меркам, так называемым «импакт фактором».

Директору чуть ли не со всех концов света слали письма мировые светила с приглашением Андрея на конференции, в институты и университеты для работы. Вторая недавно опубликованная статья Андрея в соавторстве с Клоповым, Сориним и Сериним, также набирает рейтинг в научном мире. Но смерть помешала юному, необычайно талантливому исследователю завершить цикл работ по прорывным поисковым алгоритмам распознавания образов и нечеткой логики, которыми он мог, воистину удивить и потрясти мир. Еще бы немного времени отпустить ему, и...

И тут кто-то из глубины зала негромко, но твердо сказал: «И удивил, и потряс уже, а не ещё». Директор то ли не расслышал, то ли плохо расслышал, но как-то скомкал речь, ступившись, заканчивая банальным – вечная ему память...

В выступлении первого зама директора, лощеного и загорелого членкора, звучал красной строкой тезис мэтра, будущего лидера института: Лосев был полон надежд и свершений, он много обещал как яркий и перспективный исследователь. Как много бы успел свершить в науке вообще, в сфере «Computer science», особенно в бурно развивающейся области поисковых и генерирующих решения алгоритмов и машинных систем, если бы не его ранняя трагическая смерть. Какие у него были безбрежные творческие планы, которым не дано было реализоваться и о которых знали его учителя. Имена учителей не были названы, но последовательное перечисление отдела, лаборатории и того непреложного факта, что отдел патронировался первым замдиректора по науке. Всё это свидетельствовало о том, что к научным учителям Андрея должны быть причислены и Клопов, и пишущие докторские диссертации завотделом Сорин и завлаб Серин. Как ни странно этот тезис о нереализованных планах усопшего, о которых знали только его учителя, развили выступившие следом Сорин и Серин.

Стоявшая рядом с Ветровым Инна взяла его за локоть. Легонько призвала склонить к её плечу голову. Пршептала прямо в ухо, чтобы никто из окружающих не расслышал ее гневной тирады:

– Не пойдёшь же на публичный скандал в таком месте и в такой скорбный час. Андрей сам мне рассказывал, как его уламывали его, чтоб он оказался в аспирантах у того же Клопова, или того же Сорина, даже Серина. Хотя всего несколько его гениальных озарений в его нескольких алгоритмах стоят всех научных трудов блестящей продвинутой тройцы...

Когда дошла очередь до Ветрова, то тот, неожиданно потеряв дар речи у микрофона, неотрывно глядя на гроб, с трудом осилил несколько предложений, что Андрей был лучшим из лучших, в науке, в дружбе, во всём – только сейчас он это понял и просит за это прощения у друга... После своего скомканного выступления Ветров уже не слышал о чем говорила Инна... Церемония прощания подошла к концу, жизнь продолжалась с выносом гроба их холла... Подставив плечо гробу, Ветров неожиданно зажмурился, неожиданно люстры засияли сильнее... Словно кто-то невидимый сверху решил, нечего заикливаться на смертях, когда столько нерешенных дел и обязанностей у живых...

Вереница траурных автобусов подъехала к старому Кунцевскому кладбищу. Там у отца Андрея был скромный родовой придел. Письма из института и президиума РАН сыграли свою роль – хоронить там разрешили. По просьбе матери Андрея институт даже оплатил вызов похоронного оркестра на кладбище. Об этом уже в автобусе Ветрову буркнул Серин: попробуй, откажи ей, если она затвердила, что у них в ростовском роду всех достойных людей хоронили под оркестр. Понимать приказала так: лишь недостойных хоронят без оркестра... В ответ на улыбку Серина Ветрову надо бы было тоже улыбнуться, но того на кладбище среди могил, крестов и памятников совсем заклинило – ни улыбки, ни слов, ничего лишнего и суетного. И грохнул знаменитым шопеновским траурным маршем оркестр. И Ветров, чтобы никто не видел его слез, нацепил на нос специально взятые на кладбище огромные черные очки.

– А я, дура, не догадалась взять с собой темные очки, – тихо сказала ему Инна, держащая с ним рядом, поодаль откуда-то взявшейся на кладбище Лиды. Возможно, она была и в институтском холле на процедуре прощания, только Ветров там ее не разглядел в толпе сотрудников и других родичей Андрея, прибывших туда с его родителями.

Сначала надо было поднимать с могильного холмика мать и отца Андрея, потом Лиду. Самое время – припасть к холмику с цветами и венками Инне, но она не торопилась. Она по-прежнему стояла рядом с Ветровым с гордо поднятой головой, на удивление Ветрову в глазах ее не было не слезинки. Напрасно она что-то недавно говорила о необходимости взять с собой на кладбище черные очки. Не было такой острой необходимости.

Подошла Лида и негромко спросила Ветрова, нарочно, словно не замечая рядом Инны, будто там одно пустое место, где и когда будут поминки. Услышав чёткий подробный ответ, молчаливо кивнула головой и произнесла со значением.

– Правильно, скромно и со вкусом. Я так и думала, что в этом недорогом кафе. В институтской столовой Андрей никогда не закусывал. Да и вообще он мало времени проводил в институте, любил работать в одиночку или с тобой вдвоём, Алексей...

Только Лида отошла, как Инна полупшепотом Пожаловалась Ветрову:

– Надо же и здесь она уколола меня... Я не из числа единственных напарников, общество которого выдерживал Андрей...

Кроме ребят из лаборатории и их отдела на скромные поминки пришли еще двое из других отделов. Одного из них Ветров часто видел Андрея, причем не только в стенах института, в кафе, на выставках, спектаклях – то был Влад. Второй «чужестранец» как бы лишенный признаков возраста был некто Жора, эсэнэс, из остепененных. Андрей старался избегать общества этого Жоры, но тот почему-то лип к компаниям молодых людей, где часто восседали Андрей и Алексей. Молодых да ранних Жора покровительствовал советами и поучениями, как надо жить и как надо работать в институтах закрытого профиля. Смешил научными и прочими байками из жизни академиков и членкоров, с которыми был, «на короткой ноге», с тем же замдиректора по науке. Славно и естественно комиковал Жора. Все воспринимали его, как необходимую к столу мебель со старым инвентарным номером, мебель, без которой ничего не происходит.

Ветров знал, что при жизни Андрей почему-то недолюбливал Жору, почти всегда при случайных встречах остро пикировался с ним, но почему-то именно к Ветрову справа подсел шустрый Жора, властно «попросив» освободить место рядом с «источником светопредставления». Ведь, как они когда-то договорились с Инной на кладбище, по левую руку от Ветрова села Инна.

Выпили по первой стопке, стоя, не чокаясь. И тут же, прилипший к Ветрову, как банный лист, Жора зашептал Андрею в ухо:

– Я уже слышал о вашем отпуске, всё подписано. Хоть в Ростов на похороны ехать не надо – странно ведь как-то... Очень странно и противоестественно, словно начальство порешило на какое-то время избавиться от надоедливого, много знающего сотрудника... А ведь не вы только один что-то знаете, Алексей... Я, к примеру тоже что-то знаю неизвестное вам, батенька о том, кто рабочие станции из квартиры Лосева дезавуировал...

– Игорь их с персональным компьютером дезавуировал, как вы изволили выразиться, – одними губами прошелестел Ветров. – Может быть, что-то еще более существенное я не знаю.

– Однако, батенька... – искренне изумился Жора. – В таких случаях говорят, покойник еще при жизни слишком много знал.

– Это Андрея вы имеете в виду...

– Причем здесь Андрей, – свистящим негодующим шепотом выдал Жора, – скорее вас, Ветров. Знаете откуда?

– От верблюда, Жора... Скоро во всём разберемся... – Эти слова Ветров произнес уже не шепотом, а вполголоса, с надрывом. И подумал почему-то о том, что не видел на траурной церемонии прощания, потом на кладбище тоже отставника-полковника Игоря Ивановича, ведь тот обещал быть там – «как штык».

Жора отпрянул от Ветрова и с ненавистью поглядел на него. Инна, сидящая по левую руку, вызывающе в упор прожгла Жору испепеляющим взглядом и остановила взгляд, почти умоляющий на Ветрове.

– Алексей, я всё слышала, у меня музыкальный слух с детства, посему я должна с вами переговорить с глазу на глаз. Прямо сейчас. Разделяю вашу тревогу и напряжение. Я тоже больше всего удивлена тем, что с нами нет сейчас Игоря Ивановича. Он мне клятвенно обещал

прийти в институт на прощание, потом поехать вместе с нами на кладбище. Я ему несколько раз звонила, но никто не подходит к телефону... Возможно, с ним что-то случилось... Нам надо вместе сходить на квартиру Андрея...

– И еще вместе с Лидой, – шепнул в ухо Ветрова Жора. – Весёлая у вас будет компания, Алексей... С двумя гражданскими женами покойного, бывшей и настоящей, к тому двумя аспирантками Клопова, пользованными шефом для мужских утех при фригидной жене Иде...

– Не надо так, – тихо, произнес Ветров, брезгливо поводя плечом, словно открешиваясь от скабрёзной реплики Жоры, – пока ещё уважаемый Георгий...

– Понял, понял... – зашептал после очередной поминальной чарки Жора. – Всё, всё понял, как не понять, мы из понятливых. Только на первых импровизированных поминках понимаешь, как безжалостен мир, лишаящий нас общества гениев. Я об Андрее, убывающем в вечность и забирающем с собой вечность земную с его любимыми женщинами... О, если бы вечно так было, помните слова из романса, Алексей, где в вечности нега, любовь всех близких мужчине женщин, которые были рядом с ним, светлым и чистым, как говорится и поётся в народе...

Ветров уже не слушал его, алкоголь делал свое черное дело, оглушая всё существо, чтобы не чувствовать хрупкости и незащитности человеческого существа перед грозными опасными ветрами окружающего мира за его плечами. Он знал, что после пятой поминальной стопки, он поедет с Инной на квартиру Игоря Ивановича.

Так он и сделал, сказав ребятам из лаборатории: «Мы скоро вернемся, не закругляйтесь раньше времени, посидим еще, помянем».

Только вышли они из кафе не вдвоём, а втроём. К Ветрову с Инной за компанию присоединился Влад, из теоретического сектора, что находился в подчинении самого директора-академика. Оказывается, это был он, подавший странную многозначительную реплику во время директорской речи: насчёт «ещё» и «уже». Влад в этом признался сразу. Это была не первая неожиданность в скорбный день похорон Андрея. На квартире Игоря Игоревича они не застали отставного полковника, зато обнаружили сотрудников милиции. Оказывается, сегодня умер хозяин квартиры, почему-то вызвавшей на дом терапевта из поликлиники Киру Борисовну. Она же и позвонила в милицию.

– Он же собирался идти в поликлинику к ней сразу же после похорон, – сказал Ветров, глядя прямо в глаза Инне.

– Да, я тоже об этом сразу подумала, – сказала, еле ворочая языком, в каком-то столбняке Инна, – кошмар за кошмаром... А где же сама Кира Борисовна, – обратилась она к милиционерам, – что вас сюда вызывала...

– А ей самой стало плохо, прямо при нас, – ответил молоденький лейтенант с морской фамилией Морев. – За ней заехал ее коллега, врач... Ага, вспомнил имя, импозантный мужчина такой... Семен Борисович...

9. Перед заявлением

На следующий день, когда выяснилось, что вслед за смертью Игоря Ивановича одновременно «слегли» Кира Борисовна и Семен Борисович, Ветрову на мобильник позвонил Седой. Сказал, что пришел к терапевту, а там детектив разворачивается: таинственная история со смертью отставника, что-то мутное с отсутствующим на работе терапевтом. Седой сам попросил у медсестры Веры дать номер телефона Ветрова. Посоветовал тому сделать заявление в милицию по поводу «спаренных смертей» квартиранта Андрея и хозяина квартиры и предупредил: «С заявлением в милицию просто не будет, придётся проявить настойчивость, чтобы его приняли».

Вот Ветров с Владом с подачи Седого и пошли в нужное им отделение милиции, разыскали там того молоденького лейтенанта по фамилии Морев. Он-то в свою очередь дал им телефон и адрес врача-криминалиста, делавшего вскрытие отставника-полковника. Позвонили, представились друзьями квартиранта Игоря Ивановича, хорошими знакомыми последнего. Сказали, что они пишут заявление в милицию по поводу странной смерти друга и что соавтором их заявления должен стать Игорь Иванович, да вот такая странная оказия с ним вышла, сам неожиданно умер, вместо того, чтобы прийти на похороны их друга, сам в ящик сыграл.

Врач, назвавший себя Петром, не принял их немного насмешливого фамильярного тона, тут же на полном серьёзе предложил встретиться, намекнул, что, разговор совсем не телефонный. И ещё, не надо его тревожить по месту работы, лучше подскочить сегодня на полчаса прямо к нему домой – «записывайте адрес».

Точно в назначенное время Алексей и Влад были Петра. Врач, симпатичный высокий худощавый мужчина, встретил их радушно в пустой квартире, поздоровался, предложил раздеться, провел в большую комнату.

– Специально выгнал на улицу детей, жена задерживается на дежурстве, чтобы никто не мешал, – он тщательно подбирал слова – Свидетели лишние в таком деле не нужны. Ни с вашей стороны, ни с моей стороны. Информация будет закрытой, посему на меня ссылаться не стоит. Вам же это повредит. Пусть официально расследуют дело в милиции на основании вашего заявления по поводу череды смертей. Впрочем, я уже сказал лишнее, если у вас включены диктофоны и магнитофоны...

– У меня лично нет диктофонов-магнитофонов, – жестко парировал Влад, – Алексей пусть сам говорит за себя. Даю честное слово, нет.

– У меня тоже нет записывающих устройств. – Сказал Ветров. – Давать честное слово или одного сказанного слова хватит? – Он выразительно глянул на врача. – Как, Петр? Или обобщите без сказанного честного слова?

– Верю... Зачем так сразу – обобщите... При обычно практикуемом вскрытии специалистами моего профиля просто констатируется факт смерти и её медицинские причины – инфаркт миокарда и прочее... Здесь же особый случай... Вряд ли отравление зафиксировали бы в обычном отделении больницы, я же напрямую связан с криминалистической лабораторией, хотя и не криминалист, между прочим... После меня, на основании моего заключения будут работать другие эксперты-криминалисты.

– В чем проблема вашего уклончивого ответа, – в лоб спросил Влад, – то вы написали заключение, то его завтра напишете...

– Неважно, написал ли я заключение об отравлении, или напишу его завтра... В моем праве придержать эти конфиденциальные сведения или дать им ход... В милиции тоже ведь свои правила, когда зажигать зеленый свет для расследования, когда включать красный сигнал светофора, когда желтый... Вы ведь вышли на меня не через начальника, а через рядового неопытного сотрудника Морева...

– Неужели высокое начальство верху, – усмехнулся со злым прищуром Влад, – намекнуло, что надо спустить дело на тормозах – всё шито-крыто, всё тип-топ, загнулся старичок от своей естественной смерти по возрасту?

– Не так, но по сути верно схвачено... Было бы целесообразно, чтобы не наводить тень на плетень, понимаете, на уважаемых людей то есть, дать обтекаемое заключение – возрастные изменения, стресс, случай неблагоприятный, спазм и закупорка сосудов... Вот о каком легком давлении идет речь, если можно вообще говорить о давлении и вмешательстве... Вот что я имел, когда говорил, дать или не дать ход...

– Уважаемые люди – это Кира Борисовна и Семен Борисович, – спросил взволнованно Ветров.

– Эти имена упоминались в контексте разговора, только боюсь, что здесь замешаны более крупные фигуры с умолчанием фамилий и должностей... Это совсем не заведующие отделениями поликлиники и больницы... Не мелкие рыбешки в мутном человеческом озере человеческих страстей и пороков, – акулы... Посему, опасно далеко заплывать...

– И давать ход заключению... – вставил лыко в строку Влад.

– Для очистки совести... Дам ход заключению... Не беспокойтесь напрасно, тем более факт отравления налицо... – Врач задумался в некотором оцепенении. – Только от вашего заявления гораздо больше зависит, чем от моего заключения...

– Почему же? – иронично спросил Ветров.

– Что мое заключение о смерти через отравление почти семидесятилетнего старика, пусть и здорового, как бык, к тому же собиравшегося на похороны своего молодого квартиранта...

– Вот здесь совсем горячо... Без вашего заключения наше заявление насчет синхронности смертей хозяина квартиры и квартиранта совсем ничто... У вас факты, у нас в голове мотивы преступления и подозрения... – Ветров подал руку врачу. – Спасибо, Петр, заранее спасибо...

– Не за что, мужики... Уложились даже в двадцать минут...

Уже отойдя на значительное расстояние от дома Петра, обсуждая многие детали совместного текста заявления в милицию с Владом, Алексей поделился частью своих сомнений, которыми давно и мучительно терзался:

– Слушай, Влад, в истории со смертью много темного, в заявлении нам надо будет логично обосновать требование эксгумации тела Андрея, установления факта его отравления, как и хозяина его квартиры. Это надо написать кратко, толково и убедительно, начиная от его похода к Кире Борисовне, с попаданием его в лапы «черного доктора» Семена Борисовича, из его лап в кардиоцентр. Насколько мне известно вскрытие специалистами криминалистической лаборатории на предмет отравления Андрея не делалось... Но не только это меня мучает... Мне не даёт покоя высказанное вслух вздорное, весьма странное обвинение Андрея еще до похорон Сериным, что тот якобы повинен в хищении трех дорогущих рабочих станций... Но я-то рассказывал тебе, что те компьютеры на глазах еще живого Игоря Ивановича были увезены из квартиры неизвестным, тезкой покойного...

– Насчет дороговизны станций, с одной стороны, абсолютная правда, а с другой стороны, чистейший бред. Двумя словами, бред с правдой...

– Как это, бред с правдой?

– А так... Рабочие станции, практически, безвозмездно были отданы институту американской фирмой «Сан» в рамках долговременной программы научного сотрудничества. Недавно неизвестный посетитель квартиры Игоря Ивановича уже в отсутствие Андрея, по твоим рассказам тряс бумагами за подписью Клопова и доверенностью бухгалтерии, на балансе коей значились дарёные компьютеры, оформленные по остаточной стоимости как «бэу», бывшие в

употреблении. Меня, Алексей гораздо больше волнует, кто этот таинственный Игорь, унесший во мрак неизвестности рабочие станции от почившего отставника-полковника...

– С программами, алгоритмами и отлаженной поисковой системой, еще кое с чем, – мрачно добавил Ветров, – но и это не всё. Только этот таинственный Игорь, о котором что-то знает наш велеречивый институтский упырь Жорик, был у отравленного своего тезки Игоря Ивановича дважды, чтоб ты знал, Влад...

– Дважды?..

– Да, дважды, Влад... В первый раз вывез три рабочие «сановские» станции, а во второй личный ноутбук Андрея с его текстами...

– А мне не даёт покоя одна любопытная логическая конструкция. Вот смотри, Алексей, о подарке фирмы институту в лице его директора и зама знал весьма ограниченный круг лиц. По сути, сами принявшие подарок первые лица института, может, кто-то из бухгалтерии, да я, грешный. Ведь сначала именно меня как своего бывшего аспиранта шеф-академик допустил к этим трем станциям – под свои старые задачки математической физики. Только у меня не было опыта распараллелить вычислительный процесс не то, что на три, хотя бы на два компьютера, об этом я честно признался шефу. Он меня стал уговаривать, всё же попробуй на двух, а отдал один своему заму под его задачу поисковой системы распознавания образов. Клопов через головы Сорина и Серина допустил к сановской станции. Тот пощупал станцию, сразу получил какие-то новые результаты с принципиально новыми своими алгоритмами. Наверняка, пожаловался, что в стенах института ему трудно гонять компьютер сутками, попросил его дать в домашнее пользование.

– Да, Андрей разработал систему на одной рабочей станции, а также для мультипроцессорного комплекса – от трех процессоров и выше, до десятков, сотен, тысяч. – Кивнул головой Ветров. – Я ему в этом помогал. Много чего он напахал, это действительно. Я ведь был ему только помощником в автоматизированной системной стыковке блоков, доводке, в чем он нуждался при отладке комплекса. И мы добились систему и отправили на институтский сервер...

– В этом разобраться еще предстоит, кто и почему организовал сбой на сервере... – перебил Влад Алексея. – Меня больше волнует отсутствие нескольких логических кирпичиков в полной логической кладке. Только как так случилось, что сразу после завершения работы над принципиально новой системой с прорывными алгоритмами Андрея вдруг отдаются два параллельных приказа? Первый неизвестному Игорю забрать компьютеры в отсутствие Андрея. Второй тебе, Алексей.

– Я тоже об этом думал. Такое впечатление, что кто-то нанял этого Игоря не только как извозчика для увода в тень трех компьютеров с бесценной информацией.

Оставшуюся часть пути до метро Влад и Алексей шли насупившиеся, молча, каждый в своих тревожных мыслях. Ветров мучительно размышлял, стоит ли в милицейское заявление включать пассаж о сгенерированных электронных изобретениях и литературных текстах. Надо быть лаконичным и логичным, чтобы не превратить документ обвинения в детский лепет на лужайке с мифическими литературными текстами...

Им с Владом предстояла огромная работа по тексту заявления в милицию с обоснованием открытия уголовного дела – о взаимосвязанных убийствах Андрея, Игоря Ивановича. О причастности к убийствам врачей Киры Борисовны, Семена Борисовича, похитителя компьютеров таинственного здоровяка Игоря, других.

– Как хорошо, что меня всё же отправили в отпуск, – уже в вагоне метро, Алексей радостно признался Владу, – можно попахать на ниве частного детектива во имя поправленной справедливости...

– Может, и мне попроситься в отпуск?..

– Это идея, Влад, вдвоём мы горы свернем...

10. В отделении милиции

– Да, ребята, с вами не соскучишься, – заместитель начальника отделения милиции мельком взглянул на Алексея, закончив читать его заявление, потом на Влада, заявление которого он прочитал первым. – И как вы себе представляете дальнейший разворот событий?

– Представляем так, что нужно открывать уголовное дело по факту двух взаимосвязанных убийств сначала квартиранта Лосева Андрея, а потом и хозяина квартиры Зыкова Игоря Ивановича...

– Сразу же на основании ваших двух заявлений, – майор взял два заявления на нескольких листах, сложил их в стопку и отодвинул от себя. – Как-то всё синхронно у вас получается, господа ученые. Открытия уголовного дела и следствия хотите с этих заявлений...

– И еще с одного официального заключения относительно достоверного факта отравления Зыкова, – сухо и нелюбезно напомнил Влад, стопроцентно зная, что врач-эксперт Петр дал, как и обещал несколько дней назад, ход своему заключению.

Майор сделал вид, что пропустил мимо ушей ремарку одного из заявителей. Задумчиво почесал затылок и сказал равнодушным голосом:

– О принятии заявлений будем думать. Вы будете извещены о принятии их, когда вам надо будет дать свидетельские показания...

– А почему не сейчас, – с легким напором в голосе сказал Влад. – Лично я затем и появился здесь, чтобы прямо сейчас дать показания, прямо сейчас начать помогать следствию – найти убийц, вывести их на чистую воду.

Ветров молчаливо сидел на низком скрипучем стуле у стены, поодаль от Влада и наблюдал за разыгрывающейся на его глазах мизансценой. Они с самого начала распределили свои роли, кто из них в этой напряженной ситуации приглянется начальнику.

– Вы не могли бы подождать вашего товарища в коридоре, – обратился майор к Владу, словно к надоедливой мухе.

– Я еще не услышал интересующих меня объяснений от Ветрова. – В глазах майора еле тлевшим угольком затаилась угроза в адрес слишком нахрапистого свидетеля Влада: «Ну, подожди, подожди, герой-свидетель, еще поговорим с тобой с глазу на глаз, а пока пощупаем твоего товарища, уж больно гладко всё у вас написано на бумаге, ясно, кто автор, а кто подписант». – Я хочу спросить кое-что лично у господина Ветрова по поводу его персонального заявления.

Влад резко встал со стула, демонстративно фыркнул, как нетерпеливый конь, что-то недовольно и нечленораздельно бурча под нос, скрылся шумно и надменно за дверь. Майор заговорщицки улыбнулся Ветрову и спросил:

– Мне хотелось бы узнать от вас, вы сами писали своё заявление или под диктовку вашего институтского коллеги – сами? – Он сделал сильный звуковой нажим скрипучим голосом на слове «сами».

– Ну, конечно, – подчиняясь как бы его голосовым вибрациям, воскликнул Ветров. – Кто же ещё... Можете не сомневаться... – Подумал отстраненно: «Седой оказался прав, не просто будет сдать заявления». – Отлично, работаем...

– Почему вам понадобилось писать два заявления, а не ограничиться одним, вашего коллеги, – кивок в сторону двери, – почему одного заявления вам показалось мало?

– Мы так решили... Каждый со своей стороны пишет то, что лучше и достоверней знает...

– А вместе выходит складно и дополняемо – так?..

– Я так утверждать не могу, – Ветров насторожился и сказал, как можно, проникновенней. – Есть очевидные факты, свидетельствующие об убийстве нашего с Владом друга. Только после отравления Зыкова, хозяина квартиры, стало очевидным, что две скоропостижные смерти их связаны одной нитью – это убийства...

– Отравление, говорите, откуда вы знаете об этом, – поднял свои темные от гнева глаза майор на Ветрова, – говорите...

– А вы уже ведете протокол допроса? – осклабился Ветров и вежливо осведомился. – Только я не вижу бумаги и ручки, должна же соблюдаться официальная форма, наконец, я этого не вижу. Если я буду, например, после нашего разговора подписывать протокол, как же я его, с вашего позволения или попустительства подпишу его, если там не фигурирует ваш вопрос об отравлении Зыкова. Может, вам вызвать Шохина Влада. Он под протокол всё вам объяснит насчёт факта отравления и медицинского заключения соответствующего ведомства?

Майора тирада Ветрова чем-то насторожила, оказывается, не так прост этот молчун и «тюха-матюха» с виду.

– Вы можете быть свободны, Ветров.

– Я и был свободен, экая тривиальная новость, – улыбнулся Алексей, – лучше бы сказали, открываете или нет следствие, посылать ли нам копии наших заявлений с Шохиним в прокуратуру или МУР?

Майор долгим взглядом смерил Ветрова, тот не отвел взгляда и принял вызов помериться силой воли и твердости во взгляде. Ветров-то знал, что в этом искусстве прямого и бесстрашного взгляда – глаза в глаза – мало было ему равных, об этом он знал еще с раннего детства, когда в мальчишеских компаниях Ветрова постоянно состязались, кто сильнее на прямой взгляд.

Через несколько секунд глаза майора заслезились, и он, отводя глаза, полез за носовым платком.

– Идите, Ветров.

– Если вы не примете наши заявления, тогда мы с Шохиним вынуждены были бы пойти к вашему начальству с копиями заявлений, мотивируя наш шаг тем, что у нас не приняли заявление...

– Сколько же вы копий ваших заявлений напечатали?

– Много, на все нужные инстанции хватит, как-никак мы компьютерщики, нам текст набить и сделать тьму копий ничего не стоит, господин майор...

– Приняты, приняты ваши заявления, – пробурчал, теряя самообладание майор, – достали уже, умники.

– Благодарим за содействие и сотрудничество, – господин майор, – ждем приглашения на следственные эксперименты.

– Следователи найдут вас по оставленным вами контактными телефонам. Я с паспортами адреса не сверил. – Увидев, что Алексей полез в карман за паспортом, майор тут же воскликнул. – Ладно, не надо... это лишнее в данной ситуации.... До свидания...

– До свидания, господин майор...

В коридоре Влад молчаливо подал руку Ветрову.

– Я всё слышал. Молодчина. Ты действительно считаешь, что нам нужно раскидать наши заявления в несколько адресов – прокуратура, МУР и прочие...

– Посмотрим, как дело пойдёт. В МУР и орган надзора за следствием неплохо бы, ведь сейчас всё будет зависеть от следователей и их рвения добиться расстановки точек над кучей букв «и», выведения на чистую воду исполнителей преступлений и их заказчиков.

– Слушай, Алексей, давай заскочим на секунду к милиционерскому лейтенанту. Скажем, что от нас приняли заявления – пусть он будет в курсе. Заодно спросим, к кому попало заключение врача-эксперта Петра об отравлении Зыкова.

В нужном кабинете лейтенанта Морева не оказалось. Там сказали, что Морев в обеденный перерыв пошел в близлежащую столовую. Решили подождать лейтенанта рядом с отделением милиции.

Морев, завидев Алексея и Влада, сам замахал рукой, мол, есть что сообщить, важное для вас.

– С вами не соскучишься, ребята... Новости печальные, – лейтенант закашлялся, – у нас еще два трупа за три дня после нашего последнего свидания нарисовались...

– Кира Борисовна и Семен Борисович? – Спросил Ветров и сам испугался мрачному смыслу своего вопроса.

– Совершенно верно, – понизил голос лейтенант.

– Это цепочка может продлиться, – грустно подумал Ветров и почувствовал, как у него от внутренней боли защемило сердце. – Я уже знаю, от кого я смогу узнать подробности кончины Киры Борисовны, конечно, у Веры.

– Может, меня тоже включат в следственную бригаду, – лейтенант сделал неопределенный жест рукой, – но это уже как начальство решит, у нас инициатива наказуема. Печаль другая, наше начальство решило без шума и пыли спустить дело на тормозах.

– Как на тормозах? – удивился Влад. – Кто-то сверху давит?

– Не без этого. Только я вам ничего не говорил. – Сказал и отвернулся от Влада Морев. – Так поделился некоторыми личными наблюдениями и соображениями. Считайте, что при вас вынес сор из нашей кухни, от дружной дисциплинированной команды.

11. Вера

Самое странное, что предстояло узнать Ветрову от Веры, так это то, что Кира Борисовна и Семен Борисович были родными сестрой и братом, и брат с сестрой погибли в один и тот же день.

– Погибли? В один день? – переспросил Ветров.

– Представьте себе. В один день – это всем известно в поликлинике.

– Идемте в парк, Вера здесь не далеко... Мне надо вам рассказать что-то очень важное... Хорошо?.. Я должен пригласить для беседы того спецназовца, который брал у вас мой телефон.

– Хорошо. Я его помню, седого атлета, не скажешь, что инвалид.

В парке Ветров показал рукой на удобную скамейку и предложил: «До прихода Седого поговорим о сестре и брате Борисовичах. Вы их давно знаете?» – «Знала, – голос Веры дрогнул. – Вы не курите? Ах, да, вы же из некурящих. А я, как назло сигареты забыла дома». Ветров сделал значительную паузу и твердо произнёс: «Хороший повод вообще бросить курить. Не только повод, но и причина, перед тем, как нам перейти на ты, не курящим. Хочешь узнать – почему?»

– Почему?

– Большинство мужчин, из некурящих, категорически не любят целовать в губы курящих женщин, даже если те им безумно нравятся...

Она нагнула голову вниз, словно хотела что-то разглядеть на своих кроссовках, и тихо, но требовательно, спросила:

– Я тебе, м нравлюсь, Алексей.

– Да, очень.

– Ты хочешь меня поцеловать, но не осмеливаешься, потому что знаешь моему пристрастии к сигаретам – так?..

Ветров тактично промолчал, только снова тяжело вздохнул. Она подняла голову и закинула руки за шею Алексею.

– Поцелуй меня... с этого мига я не возьму в рот сигареты желание.

– Верю, Вера.

– У меня никого нет, Алеша. Мне некому изменять даже. Я свободна, я тебя ждала, понимаешь... – Она задыхалась в новых его поцелуях. – Неужели это любовь с первого взгляда, когда вокруг смерть выкашивает людей...

– Тебе страшно?..

– Очень... А тебе, Алеша?..

– Мне больно, потому что убили моего друга, – Ветров отстранился от Веры и признался. – Пока он был жив и невредим, я рассматривал наши с ним отношения, как чисто рабочие... А сейчас после его гибели считаю, что потерял своего лучшего друга, самого доброго, самого талантливого. Всегда так было, что смерть примеряет своё губительное оружие против самых талантливых и добрых. Ведь талант и внутренний дар добра – это от Бога... Странно, что он не признавал Бога, не боялся Бога... Знаешь одну мудрость, почему надо бояться Бога?..

– Не знаю, но знаю другое, что Бог есть любовь... Я хочу любви...

– Прямо сейчас?.. А я хотел тебя пригласить в кафе или ресторан на романтический обед или ужин...

– Признайся, Алексей – еще до первого поцелуя?

– Как только увидел тебя в клинике...

Седой не заставил ждать себя долго. Тепло поздоровался с Алексеем и Верой как со старыми друзьями. Вера сделала кокетливый изящный жест и напомнила:

– Времени у меня мало. Ждут меня дела в клинике. И мы поговорим коротко и по делу. Алексей хотел о чем-то спросить – про брата с сестрой...

– И я хотел, – вскинул брови Седой, – так Борисовичи родичи?..

– Гордецы они невероятные, порода их такая человеческая. Но я знала, что они плохо кончат. Не любили людей, пациентов Борисовичи. Странно, что выбрали себе такую профессию – лечить людей. Разве можно так – их лечить и не любить. Я пошла учиться на медика, работая медсестрой, потому что хочу любить и лечить людей, а они...

– О покойниках не говорят плохого... Лучше ничего не говорить... – осторожно напомнил Ветров.

– А я говорю правду, которая всё перевешивает... Алеша, мне страшно, но я обязана тебе сказать... Они выполняли чей-то заказ, чтобы погубить твоего друга Андрея... И кто-то выполнил чей-то другой приказ насчет их убийства после выполнения ими заказа и, возможно, после получения вознаграждения... У Киры я видела в руках пачку долларов, когда та отправила Андрея в больницу к брату... Она уничтожила кардиограмму Андрея, я искала ее и не могла найти... И еще она сама вызвалась измерять давление у Андрея, хотя никогда до этого не делала так в моем присутствии... На что тогда медсестра?.. Конечно, любой врач-терапевт часто сам измеряет давление больного, только в нашем конкретном случае она всегда перепоручала это мне... А тут измеряет давление, говорит какие-то дикие параметры верхнего и нижнего... И выдворяет меня за дверь, направляя больного в предынфарктном состоянии к брату...

– Андрей погиб не в больнице у брата. – Сказал Седой. – Проверил.

– Я знаю, но брат и сестра давали ему какие-то пилюли, которые брали не с нашего склада... О Кире я говорю то, что знаю... То же рассказали мне знакомые из больницы о её брате...

– Ты дашь соответствующие показания, если это от тебя потребуется... – Спросил Ветров и многозначительно переглянулся с Седым. – Для начала написать заявление в милицию, вслед за моим.

– Конечно, я не из трусливых...

– А теперь слушайте новости от меня, – сказал Седой. – Я выяснил по своим каналам, как убили врачей Борисовичей... Их утопили в ванной, каждого в своей квартире... Причем примерно в одно и то же время, и всё это было преподано как инсценировка самоубийства... Были люди, и нет людей, ушли с концами под воду, без объяснения причин... Ведь так не бывает, чтобы в одно и то же время, в миг расставались с жизнью – должны быть причины... Чем не доказательство очевидного самоубийства...

Вера закрыла глаза и, твёрдо глядя в глаза Седому, произнесла с каким-то отчаянием и вызовом:

– А я знаю, что это не самоубийство. Кира ненавидела ванну, по каким-то причинам психологического свойства ненавидела принимать ванну – только душ, стоя. Я же была у нее на квартире, у нее запущенная грязная ванна, как у бомжа. Она там грязное бельё стирала, свои постельные принадлежности замачивала, самое главное, меня иногда просила помочь со стиркой. Я её даже подначивала, нельзя так, врачу, Кира Борисовна, ванну запускать настолько, что в неё опускаться опасно, заразу можно подцепить по женской линии. А она хохотала, я туда даже присесть боюсь, не то, что прилечь. Что, разве не убийственная деталь для следствия: не могла она, такая чистюля по жизни, плескаться в ванне, сплошной антисанитарии...

– Это точно? – спросил Седой. – Это уже убийственная улика.

– Точно. С какой стати мне оговаривать покойную Киру?.. – Вспыхнула румянцем Вера. – Про брата её ничего на этот счёт говорить не буду, ничего не знаю, в квартире у него не была, ванну не видела, может быть, он и любил принимать ванну... А здесь имитация, и довольно удачная, коллективного суицида... А их убили, Алёша, расчётливо и жестоко – уто-

пили, и концы в воду с отравлением хозяина квартиры Зыкова и его квартиранта, твоего друга Андрея... Одна длинная череда смертей, и ничего уже теперь не докажешь...

– Ладно, ребята, я покидаю вас... Я должен спешить и сделать заказ на спецтехнику... Фотографировать издали придётся... Убийцы не простые...

Ветров, глядя в спину уходящему Седому, выдохнул: «Всё серьёзно» и тут же поцеловал Веру, прижав хрупкое девичье тело к своей груди. Он уже оценил решимость девушки: она пойдёт с ним до самого конца.

– После твоего дежурства поедem сразу ко мне – согласна?

– Только я должна предупредить своих родителей, что останусь у подруги. Это к тому, что мне не надо завтра выходить на дежурство...

Через два дня Вера неожиданно позвонила Ветрову ранним утром. По ее встревоженному голосу Ветров понял, что утреннего чая у него не будет сегодня и что вообще весь день будет скомкан и пущен в распыл.

– Я в эту ночь не ложилась спать... Понимаешь, милый, ни на секунду... Хотела тебе звонить, но подумала, вдруг ты уже спишь... Так не хотелось тебя будить, доставлять какие-то хлопоты... Я ведь хочу, чтобы от меня исходили только хорошие новости, добрые вести, положительные эмоции... Я же видела, как ты радуешься при встрече со мной, что по первому твоему призыву я выбросила прочь из жизни сигареты, чтобы только быть приятней тебе, стать ближе тебе, необходимей... Но мне страшно, милый, понимаешь, страшно... Сначала мне позвонили на работу во время дежурства – это следовательно, после моего заявления, вслед за твоими Влада... Меня пригласили для дачи показаний... На сегодня... Я сказала, что приду, если надо... А поздно вечером звонок... Какой-то телефонный хулиган... Попросил маму вызвать меня... И нагло приказал держать язык за зубами про Киру Борисовну с ее братом...

– Он представился, этот телефонный хулиган?

– Нет... Только сказал, что знает про меня всё... Даже то, что я сплю с тобой... Пригрозил, что если я развяжу язык, скажу лишнее про Киру с братом, то не поздоровится не только мне, но и тебе... Всем шибко не поздоровится... Отрежет языки обоим и законсервирует, а потом продаст на рынке в банке под названием «язык болтунов – находка для шпионов»...

– Так и сказал, телефонный мерзавец?

– И самодовольно ржал над своей удачной шуточкой... Я должна тебя видеть... Я ведь иду к девяти ноль-ноль к следователю... Мне сейчас надо определяться – говорить, как есть, или держать язык за зубами, чтобы его не отрезали паче чаяния... Милый, я извелась в своих ночных думах от тебе, о себе, о нас... Это же наглый шантаж, давление... Эти страшные люди знают наши адреса, телефоны... Тот наглый тип бравировал своим знанием...

– Ты не должна ничего бояться...

– А родители?.. Они же могут добраться и до них – что тогда?.. Маленький брат – ему только двенадцать лет... Могут пойти на похищение брата, чтобы меня прижать к стенке...

– Приезжай ко мне, будешь жить у меня, – выдохнул в телефон Ветров, – возможно, это единственно верное решение для нас обоих. – Он чувствовал, она надолго задумалась в сомнениях. – Решайся...

– Вот, я и думаю, но ничего пока придумать не могу... Страшно...

– Только не старайся подыграть всем – и следствию, и шантажистам, – твердо сказал Ветров, – всё равно на двух стульях не усидишь... Либо – либо... Я тебя не принуждаю к выбору...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.